

18+

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ

ДУЭЛЬ НА КРЫШЕ МИРА

ЭПИЗОДЫ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

Владимир Фетисов

**Дуэль на Крыше мира.
Эпизоды «Большой Игры»**

«Издательские решения»

Фетисов В.

Дуэль на Крыше мира. Эпизоды «Большой Игры» / В. Фетисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516849-8

Книга посвящена истории англо-российского противостояния в Центральной Азии, известной как «Большая Игра». На основе значительного круга источников — официальных документов, исследований, журнальных и газетных статей, автором рассматривается процесс соперничества двух империй в XIX веке.

ISBN 978-5-00-516849-8

© Фетисов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Занавес поднимается	8
Глава четвёртая. Дипломаты и разведчики	25
Глава пятая. Империя готовится к прыжку	30
Глава шестая. Блистательный граф Игнатьев	34
Глава седьмая. Синеватая дымка Памира	40
Глава девятая. Труба зовёт в поход	48
Глава десятая. Победный марш Черняева	53
Глава одиннадцатая. Устроитель Туркестана	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

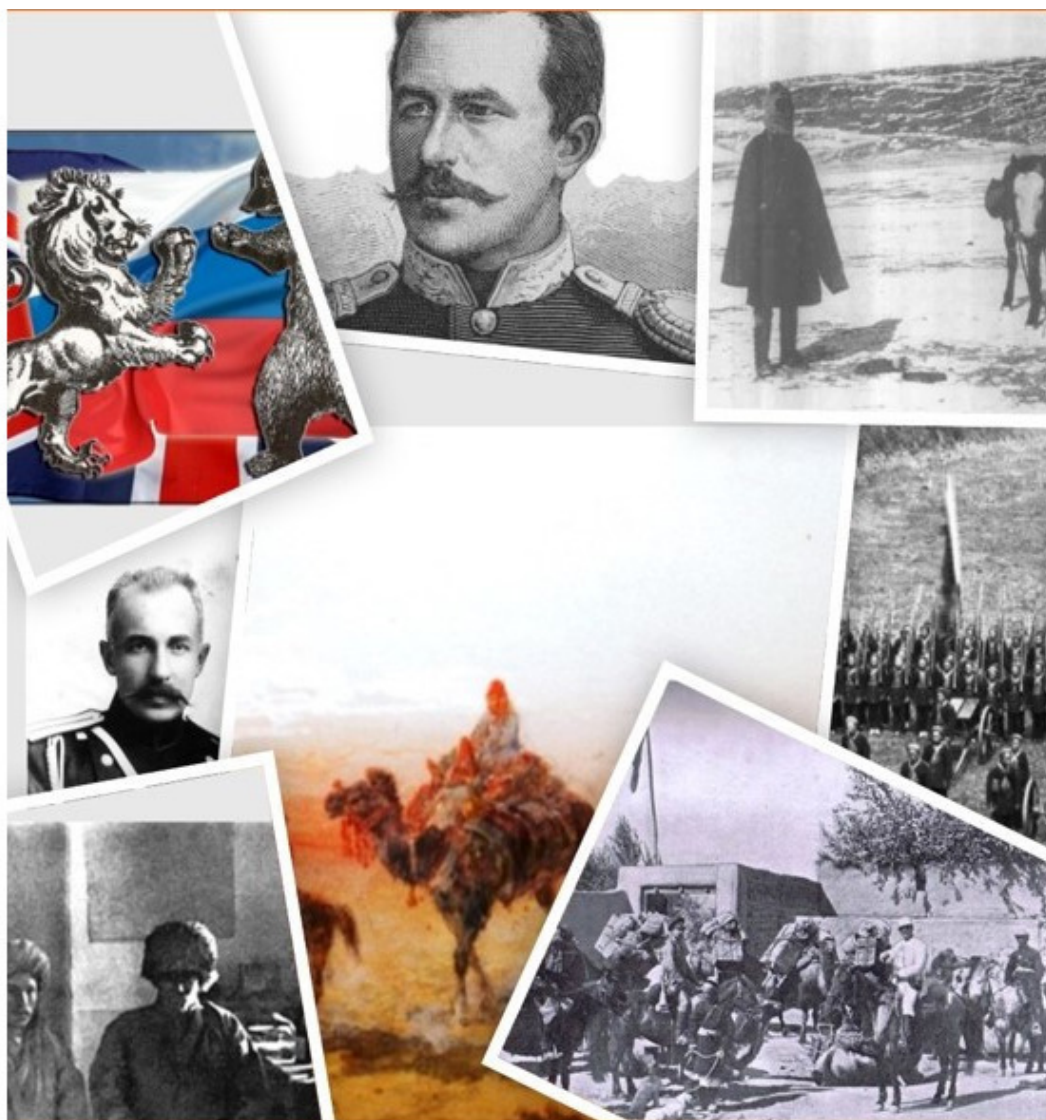
Дуэль на Крыше мира. Эпизоды «Большой Игры»

Владимир Фетисов

© Владимир Фетисов, 2020

ISBN 978-5-0051-6849-8

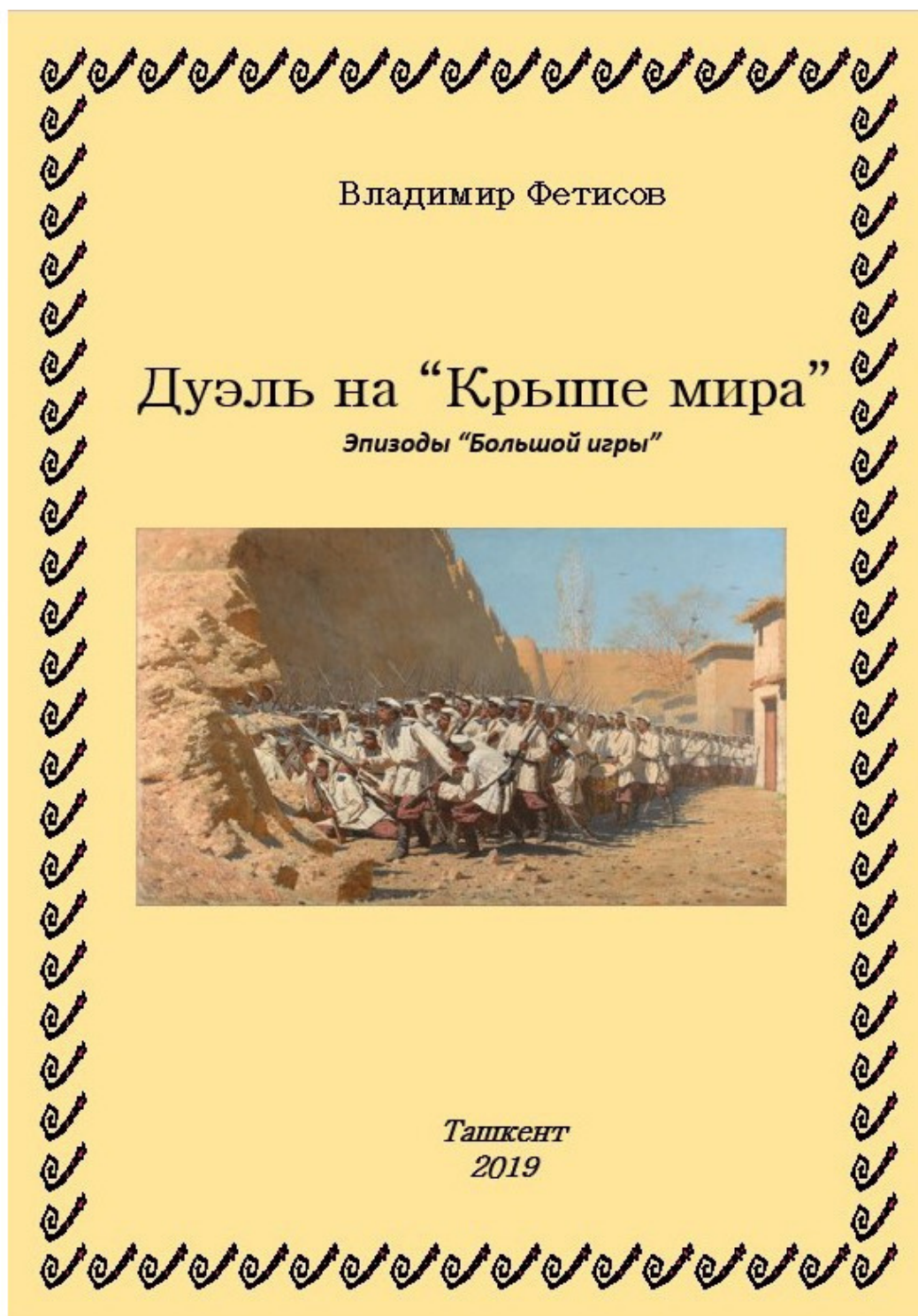
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Фетисов

Дуэль на Крыше мира

Эпизоды Большой игры

**Дуэль на Крыше мира.
Эпизоды «Большой игры».**

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?
Редьярд Киплинг. «Баллада о Востоке и Западе»*

Глава первая. Занавес поднимается

«Большая игра» – термин, обозначающий противостояние Британской и Российской империй в Центральной Азии, впервые ввёл в оборот британский офицер и посланник в Кабуле Артур Конолли, написав его на полях копии письма, отправленного губернатору Бомбея в 1840 году. Очевидно, этот термин так понравился Конолли, что он вновь упоминает о «замечательной Большой игре» в одном из личных посланий к своему другу майору Генри Роулинсону, ставшему впоследствии известным востоковедом, экспертом по проблемам российской внешней политики на Востоке.

Артур Конолли, акварельный портрет работы Джеймса Аткинсона, Национальная портретная галерея (Лондон).

В обиход же этот термин вошёл благодаря Редьярду Киплингу, который использовал его в романе «Ким», опубликованном в 1901 году.

Главные фигуры этой геополитической игры находились в Лондоне, Калькутте, Петербурге и Ташкенте. Для них Азия была огромной шахматной доской, на которой велась партия. Но те дерзкие офицеры: разведчики, путешественники, рискующие своими жизнями, шаг за шагом продвигаясь по пути к неизведанному, были отнюдь не пешками.

По-разному сложились их судьбы. Некоторые стали широко известны благодаря художественной литературе. К примеру, судьба первого русского посланника в Кабуле Яна Виткевича, его дипломатический поединок с британским агентом Александром Бёрнсом и таинственная гибель, вдохновили сразу трёх писателей – Юлиана Семёнова, Валентина Пикуля и Михаила Гуса. Другие, как Чокан Валиханов, стали национальными героями своих народов. Семенов-Тянь-Шанского и Пржевальского мы знаем, как знаменитых путешественников, географов и натуралистов. Другие, из-за участия в Белом движении, как Юденич и Корнилов, в советский период считались врагами, а их заслуги были забыты на долгие годы. Те же, кто стал на сторону большевиков, как знаменитый описатель Бухары, генерал Логофет, или выдающийся востоковед и военный теоретик Андрей Евгеньевич Снесарев, осели в советских штабах, где их знания оказались востребованы. Многие из них стали жертвами сталинских репрессий. А кто-то, как прославившийся в Памирских экспедициях этнический поляк Бронислав Громбчевский, – «Дервиш Гиндукуша», навсегда остался за границей.

Начало «Большой игры» некоторые британские историки определяют со второй половины 18 века, когда англичане приступили к полному покорению Индостана. Другие, и мы склоняемся именно к этому мнению, считают точкой отсчёта эпоху Наполеоновских войн, когда русский император Павел решил совместно с Францией потрепать британского льва за загривок, нанеся удар по английскому могуществу в Азии. «Естественно, напрашивалась мысль о тесном сближении двух государств ради совместной борьбы, чтобы окончательно завоевать Индию – главный источник богатства и военной мощи Англии. Так возник великий план, первая мысль о котором, без сомнения, принадлежала Бонапарту, а средства к исполнению были изучены и предложены Павлом I», – пишут в своей «Истории XIX века» французские историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо. Надо сказать, что мечты правителей двух мощных держав имели все шансы воплотиться в жизнь. В Индию должен был отправиться 70 —тысячный русско-французский экспедиционный корпус. Это были лучшие солдаты того периода: ветераны египетских и итальянских военных кампаний и закалённые в боях и походах донские казаки. Такой мощи, думаю, не смогла бы противостоять ни одна армия той эпохи.

Вся подготовка к походу была тщательно скрыта. Даже информация, передаваемая через курьеров, не доверялась бумаге, а передавалась устно. С французской стороны был назначен прославленный генерал Андре Массена, а с русской – атаман войска Донского Василий Орлов. Правда Орлов был уже очень немолод и в поддержку к нему был направлен офицер Матвей Платов, будущий атаман войска Донского и герой войны 1812 года.

Поначалу всё шло гладко, но внезапно грандиозная затея оказалась под угрозой. Вмешался шотландский офицер Джон Малколм, впоследствии видный британский политик. В разгар подготовки кампании он сначала склонил к союзу с Британией афганцев, заключив с ними договор, а затем и персидского шаха, который еще недавно был союзником Франции. Наполеон в этих обстоятельствах от похода отказался, решив дожидаться более благоприятных времён. В июле 1807 года он вернётся к этой идее во время встречи с Александром I в Тильзите. Но тот, в отличие от своего отца, Наполеона не поддержит.

28 февраля 1801 года Донское войско отправляется на покорение Индии. В своём письме атаману Орлову Павел I пишет: «туда, куда вы назначаетесь, англичане имеют свои заведения торговли, приобретенные или деньгами, или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан».

Экспедиция, однако, не была должным образом спланирована. Никакой информации о путях через Среднюю Азию у Орлова не было. В то время это была неизведанная страна.

В поход выступили в конце зимы и путешествие через калмыцкие степи стало суровым испытанием даже для закалённых казаков. Заканчивалось продовольствие и фураж для лошадей, экспедицию ждала незавидная судьба, если бы не вмешалось Провидение. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года император Павел был убит заговорщиками. Наследник Александр приказал казаков вернуть, и 23 марта фельдъегерь из Петербурга, настигнув армию Орлова в селе Мачётном, Саратовской губернии, вручил тому распоряжение нового императора. Так закончился первый поход русских войск в Индию. Вымыть сапоги в Индийском океане не удалось, но с тех пор «оборона Индии» от возможных завоевателей, в первую очередь от русских, стала основным кошмаром британской внешней политики.

Правда, кое-какие основания, для этого, у англичан всё же были. Россия начала активно искать пути к Британской сокровищнице, налаживая отношения с центрально-азиатскими странами.

В 1819 году военным руководством России было принято решение отправить экспедицию из Баку к восточному берегу Каспийского моря. Задачи, стоящие перед ней, были многообразны: географическое описание берега, разведка полезных ископаемых, изучение возможных путей в Индию и налаживание торговых и дипломатических отношений с туркменами и Хивинским ханством. Возглавил экспедицию майор М. И. Пономарёв.

К тому времени в Российской империи был уже создан орган осуществляющий военную разведку. В 1810 г. по личному указанию Александра I была выделена особая секретная статья в бюджете военного ведомства, и появилась «Экспедиция секретных дел при Военном министерстве», через два года переименованная в «Особенную канцелярию при военном министерстве». Эта организация, – своего рода ГРУ 19 века, – осуществляла свою деятельность в трёх направлениях: стратегическая разведка – получение информации из-за рубежа, тактическая разведка – сбор сведений о противнике на границах и контрразведка – борьба с вражескими агентами внутри Империи. Поэтому в состав экспедиции Пономарёва был включён офицер Генштаба капитан Н. Н. Муравьёв. Герой Отечественной войны 1812 года, участник взятия Парижа, дипломат и военный топограф, к этому времени он совершил несколько секретных миссий в Персию, под видом мусульманского паломника. Именно ему было поручено составить географическое описание Каспийского побережья, исследовать возможный путь в Индию, наладить контакты с туркменами и хивинцами и попытаться заключить с ними торговое соглашение. Кроме того, попытаться разузнать, нет ли попыток англичан распространить своё влияние в этом регионе.

Это была не первая попытка наладить отношения со среднеазиатскими странами. В сентябре 1716 года царь Пётр, отправил в Хиву и Бухару, князя Бековича-Черкасского с 6-ти тысячным войском, для склонения среднеазиатских ханов к принятию русского подданства, разведки путей в Индию и отыскания в тех местах золотых месторождений. Поход закончился трагически. Практически всё войско Бековича было, с помощью азиатской хитрости, уничтожено. Хан Шергази после заключения дружественного договора, предложил Бековичу разделить русский отряд, якобы для более удобного его содержания. Князь, не подозревая о коварстве хана, согласился и разбитые на мелкие группы солдаты, и их командиры были немедленно обезоружены сопровождавшими их хивинцами. Многие были убиты, а большая часть взята в плен: сам же князь Черкасский перед ханским шатром был обезглавлен, а его кожу натянули на барабан. «Пропал как Бекович», такая поговорка появилась в России, после того как стало известно о страшной судьбе русского отряда.

28 июля 1819 года, экспедиция Пономарёва, на двух судах «Казань» и «Св. Поликарп», высадились на туркменском берегу, и в течении полутора месяцев обследовала побережье. Муравьёв составлял карты, общался с вождями туркменских племён, уговаривал их сопроводить его в Хиву. «Во все время поездки моей ходил я в Туркменском платье и называл себя Турецким именем Мурад-бек; сие имело для меня значительную выгоду потому, что, хотя меня

и все в керване знали, но при встречах с чужими я часто слыл за Туркмена поколения Джафарбай и тем избавлялся от вопросов любопытных», – пишет Николай Николаевич в своей книге «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах».

Затем Муравьев, взяв с собой переводчика, денщика и несколько проводников, отправился в Хиву и 5 октября 1819 года достиг границ Хивинского ханства. Немедленно было отправлено письмо ханским чиновникам о прибытии русского посольства, после чего Муравьев со спутниками были препровождены в небольшую крепость Иль-Гельды. Здесь путешественники провели в томительном ожидании больше месяца. Лишь 16 ноября было получено приглашение хана посетить один из самых неизвестных и таинственных городов Азии – Хиву. Переговоры с первым визирем, диван беги (глава совета), а затем и с самим ханом закончились успешно – был заключён торговый договор, а на Кавказ, с ответным визитом, отправлено ханское посольство. Не удалось лишь добиться военного соглашения.

За время пребывания в городе русский посланник внимательно изучал быт и нравы его жителей. Страшное впечатление произвели на него русские невольники, томящиеся в рабстве. В Хиве Муравьев отдал отремонтировать сломавшееся ружье. Перед самым отъездом он решил его проверить и нашёл в дуле записку: «Когда уже совсем сбирались в дорогу, я хотел его зарядить, но дух в левый ствол не пошел; я приказал его вычистить, и вытащили из него свернутую бумагу. Когда все разошлись, я развернул оную и нашел в ней следующее. „Ваше Высочорodie, осмеливаемся вам донести, Российских людей найдется в сем Юрте тысячи три пленников и претерпев несносные труды глад и холод и разные нападки сжальтесь над нашим бедным состоянием, донесите Его Императорскому Величеству, заставьте вечно молить Бога есмь пленник“». И для Муравьева стало абсолютно ясно, что с рабством в Хиве и Бухаре необходимо покончить любыми средствами.

В январе 1820 года экспедиция прибыла в Тифлис и представила наместнику на Кавказе А. П. Ермолову свои отчёты. Итоги миссии были оценены высоко и 4 мая 1820 года отважный разведчик был произведён в полковники. Через два года по результатам поездки в Хиву был издан 2-х томный труд Муравьева, в котором содержались ценнейшие материалы политического, географического, экономического, этнографического и военного характера. Во время этого путешествия были проведены первые в истории научные археологические раскопки в Средней Азии в городище Гюшим-тепе близ Атрека и сделан ряд интереснейших наблюдений.

Старинная открытка

Мечта Муравьева о покорении среднеазиатских ханств и освобождении рабов, осуществится не скоро. Но попытки решения этой проблемы предпринимались неоднократно.

В конце ноября 1839 года из Оренбурга, в поход на Хиву, выступил военный отряд. Возглавил его оренбургский военный губернатор, генерал Василий Алексеевич Перовский. Расскажем немного об этой незаурядной личности. Внебрачный сын графа Алексея Разумовского, герой Бородинского сражения, где он был легко ранен, Василий Перовский был сторонником активной политики России в Средней Азии. Адьютантом у Перовского служил один из умнейших и образованнейших молодых людей того времени, ссыльный поляк Ян Виткевич. Свободно владеющий несколькими восточными языками Ян, или Иван, как называли его сослуживцы, выполнял по поручению губернатора секретные миссии разведывательного характера, отправляясь с торговыми караванами в близлежащие ханства. Там он занимался сбором информации политического характера о положении дел в Средней Азии, о взаимоотношениях между Кокандским, Хивинским ханствами и Бухарским эмиратом, об отношении их правителей к России и Британии.

Приведём отрывок из донесения Виткевича оренбургскому губернатору: «Ныне власть и влияние нашего управления простирается почти не далее пограничной черты Урала и не внушает ни кайсакам, ни областям Средней Азии особенного уважения. С нашего каравана взято хивинцами с одних бухарцев на 340 бухарских чевонцев, или на 5440 рублей. С татар наших берут, как известно, вдвое против азиатцев... У татар наших развязы вают тюки, бьют людей и собирают с неслыхан

В.А.Перовский, портрет работы ными притеснениями
и злоупотреблениями; из развязан

К. Брюллова, Третьяковская галерея ных тюков хватают и тащат товары
во все стороны....

Если согласишься своими глазами на эти самоуправства, о коих у нас едва ли кто имеет понятие, то несколько нельзя удивляться застою нашей азиатской торговли. Хивинцы ездят по Сырдарье, до самого Ак-Мечета Ташкентского, где отделяется Куван от Сыра, и грабят беспощадно чумекейцев наших, которые зимуют здесь и прикочёвывают на лето к Оренбургской линии между Орск и Верхнеуральск. Ныне же насилие это вошло в употребление, и наши, так называемые подданные (киргиз-кайсаки), будучи с нашей стороны освобождены от всякой подати и в тоже время подвергаясь, по беззащитности своей, всем произвольным притесне-

ниям и поборам хивинцев, поневоле повинуются им более, чем нам, и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану».

Именно бесчинства поощряемых хивинским ханом Алла Кулом разбойников на караванных путях, набеги их на российские владения послужили одной из причин Хивинского похода русского отряда. Другими целями были: освобождение российских пленных из рабства, смещение тогдашнего хивинского хана и возведение на престол более лояльного к России правителя. Ставилась и научная задача – исследование Аральского моря и составление географических карт. С этой целью к отряду присоединился географ и путешественник, вольноопределяющийся отставной ротмистр Платон Александрович Чихачёв, впоследствии видный учёный – географ, путешественник и альпинист. Причём для Чихачёва Хива не являлась конечной точкой пути. Далее он должен был совершить длительное и чрезвычайно опасное путешествие через Памир и Тибет в Индию.

В Петербурге прекрасно понимали, что для военного похода туда, необходимы точные географические карты и на Чихачёва была возложена задача по исследованию ближайшей к русским пределам горной страны Памир, за которой и лежала вожаделенная цель.

Оттуда, через Тибет Чихачев предполагал тайно проникнуть в британские владения в Индии с разведывательными целями, после чего вернуться в Российскую империю с отчетом и картами. Военное руководство Российской империи было крайне заинтересовано в этой миссии. Однако тогдашний осторожный, мягко говоря, министр иностранных дел Карл Нессельроде, опасаясь резко негативной реакции Британской империи, добро на этот план не дал.

Поход Перовского на Хиву оказался неудачным. Отряд в 4000 человек при 12-ти орудиях выступив в октябре месяце из Оренбурга, вследствие сильнейших морозов и глубокого снега, усиленного падежа верблюдов и развившейся среди войск цынги, горячки и других болезней, постоянных стычек с превосходящими по численности хивинцами вынужден был вернуться обратно. Во время почти восьмимесячного пребывания отряда в степи, умерло 1054 человека и пало 10 000 верблюдов и 8 000 лошадей, были брошены и истреблены значительные запасы продовольствия. Были однако и некоторые плюсы. Несмотря на неудачу Перовского, Алла Кул-хан не захотел дальнейшего обострения отношений с Россией и решил прекратить набеги и пленение русских подданных.

Научные же результаты метеорологических наблюдений, с таким трудом добытые Чихачёвым, были высланы им во Францию и опубликованы в Трудах Парижской Академии наук. А спустя пять лет Перовский и Чихачёв станут у колыбели Русского Географического Общества.

Известие о намечающемся походе отряда Перовского сильно встревожили англичан, и в Хиву со специальным заданием был отправлен британский дипломатический агент Джеймс Абботт.

Глава вторая. Смертельная дуэль.

Посланник выехал из Герата в Хиву практически одновременно с началом похода Перовского. Начальник Аббота, британский политический резидент в Герате майор Д'Арси Тодд был чрезвычайно встревожен известием о русской акции. Необходимо было срочно что-то предпринять, иначе Россия одним прыжком может достичь Южного Туркестана. И Джеймс Аббот получает чёткие инструкции сделать всё, чтобы хан освободил русских пленных, томящихся в рабстве. Отнюдь не гуманными соображениями руководствовался при этом английский резидент – необходимо было устранить повод для похода русского отряда.

Переодевшись мусульманином, Аббот отправляется в путь. Однако маскировка не помогла, въехав в Хиву, он с изумлением, смешанным со страхом обнаружил, что его приезд ни для кого не является тайной. И что ужаснее всего, хивинцы были уверены, что он агент Перовского, притворяющийся англичанином. Кул-хан в это время пребывал в мрачном расположении духа. Он со страхом ожидал прибытия русских войск, численность которых молва довела до ста тысяч человек. Этот страх и помог англичанину получить аудиенцию у властителя Хивы.

Кул-хан слабо представлял себе, что такое Британия. Впрочем, и истинных размеров Российской империи он тоже не знал и доводы Аббота о том, что русские обладают огромной мощью и могут камня на камне не оставить от ханских владений, произвели на хана не си-

Портрет Джеймса Аббота. Б. Болдуин, льное впечатление. На резонный вопрос: «А что поме —

1841, Национальная галерея (Лондон) шает русским получить рабов и продолжить наступле —

ние?», Аббот признался, что такое развитие событий вполне возможно. Тем не менее, Кул-хан согласился отпустить небольшую группу невольников с англичанином в русские пределы.

7 марта 1840 года Аббот с русскими пленниками выехал из Хивы. Приключения, однако, на этом не закончились, в пустыне на них напали бандиты. Аббот был ранен, ограблен, а отпущенные невольник вновь превратились в товар на невольничьем рынке. Правда, ненадолго, — удача в этот раз была на стороне британца. Бандиты, увидев письмо хана Хивы русскому царю, перепугались до смерти и тотчас всех отпустили. Аббот со своими людьми с трудом добрался до форта Александровск, где их всех встретили очень тепло. Англичанина отправили дальше

в Петербург, где ему был оказан неожиданно высокий для его чина прием. Он был лично приглашен императором Николаем I на смотр войск и имел с ним беседу. После этого Аббот возвратился на родину.

А в это время в Герате майор Тодд сходил с ума от неизвестности. Ничего о посланном им агенте не было известно, поскольку все донесения Аббота оседали в тайной службе хана. В конце концов, решив, что миссия провалена, майор отправляет в Хиву второго посланника. Им оказался 28-летний лейтенант Ричмонд Шекспир. Однофамилец великого драматурга и двоюродный брат писателя Теккерея был весьма честолюбив и к своему заданию отнёсся с огромным энтузиазмом. Во главе небольшого отряда он отправляется по стопам Аббота и в Хиве узнаёт о нападении на него разбойников, но дальнейшая судьба агента по-прежнему оставалась для него неизвестной.

Известие о неудачном походе Перовского вскоре стало известно в Хиве, но у хана не было уверенности в том, что русские вновь не предпримут враждебных действий. И Шекспир, воспользовавшись смятением хана, пошёл ва-банк, предложив тому союзный договор с Британией. Никто его на это не уполномочивал, но честолюбивый лейтенант решил, что победителей не судят. Кроме того, не забывая о цели своей миссии, он продолжал убеждать хана освободить всех русских пленников. В конце концов Кул-хан согласился. Шекспир разбил неподалёку от города лагерь, куда ему стали привозить узников. Процесс этот был тяжёлый и долгий, поскольку невольники стоили дорого и хозяева их тщательно прятали. Пришлось обыскивать дома, пристройки и ямы, где держали рабов.

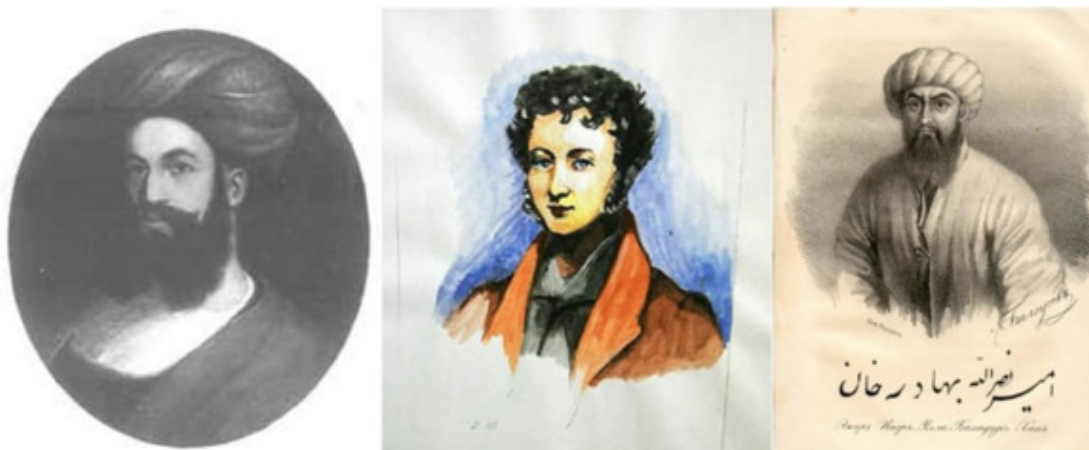
Наконец Шекспир организовал караван из почти 400 пленников и 15 августа, под охраной ханских воинов, отправился в путь. В Александровске их встретили радушно. В честь этого события в крепости прогремел салют и был устроен грандиозный банкет, где поднимали тосты в честь королевы Виктории, императора Николая I и конечно освободителя Шекспира. Вероятно, это был единственный эпизод Большой игры, когда между соперниками возникли столь дружественные чувства.

Затем лейтенант британской армии был с почётом сопровождён в Оренбург, где его принял Перовский, а позднее в Петербург, где состоялась аудиенция с императором, после которой Шекспир отбыл восвояси. Из этого эпизода британцы сделали вывод, что русские надолго отказались от своих планов дальнейшей экспансии в Центральной Азии, что, несомненно, являлось заблуждением.

В событиях «Большой игры», происходивших в то время в Средней Азии, принимал деятельное участие еще один персонаж, который также заслуживает нашего внимания. В конце декабря 1839 года в Бухару отправился подполковник Чарльз Стоддарт.

Главная задача, стоявшая перед ним, была убедить бухарского эмира в том, что предстоящее вторжение британских войск в Афганистан не несет угрозы его владениям. Вторая цель: сбор военно-политических сведений. Что случилось с британским агентом достоверно не известно.

Возможно он вёл себя недостаточно почтительно – Восток, дело тонкое, – только эмир Насрулла Бахадур Хан приказал бросить его в тюрьму. На спасение Стоддарта, осенью того же года, из Кабула был отправлен уже упоминаемый нами капитан Артур Конолли. Этот разведчик уже был достаточно хорошо известен российскому Главному штабу. В 1830 году он совершил длительное путешествие из Петербурга через Иран и Афганистан в Индию по маршруту, по которому, как полагали англичане, Россия может двинуть свои войска. Однако и Конолли постигла та же участь, что и его сослуживца. Очевидно, эмир решил держать англичан в качестве заложников, ожидая чем закончатся военные действия в Афганистане. Когда до Бухары дошли сведения о разгроме англичан в Хурд-Кабульском ущелье, он приказал казнить британцев. 17 июня 1842 года Чарльз Стоддарт и Артур Конолли были обезглавлены на главной площади Бухары.

Артур Конноли, Чарльз Стоддарт и эмир Бухары Насрулла Бахадур Хан.

Интересно, что примерно в это же время в Бухаре находилась русская дипломатическая миссия. Пригласил её сам бухарский правитель, обеспокоенный приближившимися к левому берегу Аму-Дарьи английскими отрядами, воевавшими в Афганистане. Миссию эту, известную в истории как «Бухарская экспедиция 1841 года» возглавлял инженер в чине майора Константин Фёдорович Бутенев. Экспедиция Бутенева, продолжающаяся более года, в политическом отношении была мало успешна, однако её члены издали много ценных естественно-исторических и географических работ о Бухаре и прилегающих землях. Сам Константин Фёдорович Бутенев, впоследствии генерал-лейтенант и директор Санкт-Петербургского Технологического института, опубликовал в «Горном журнале» за 1842 год ряд статей по минералогии, метеорологии и монетному делу.

В том же 1842 году позорным поражением Британии завершилась длящаяся четыре года, первая англо-афганская война. Причина, по которой эта война разгорелась, было опасение Лондона, что Россия сможет достичь границ Афганистана, являющиеся «северными воротами» Индии. Поэтому нужно было либо подчинить его Британии, либо сделать максимально лояльным, посадив на трон своего ставленника. Правивший в то время эмир Дост-Мухаммед, понимая, что англичане ему не доверяют, в 1834 году отправил в Россию посланника Хусейн Али-хана с просьбой о помощи. Посланник, однако, двигался очень медленно и только в 1836 году добрался до Оренбурга. Губернатор Перовский, внимательно выслушав посланника Дост – Мухамеда, отправляет его обратно в Кабул вместе с уже известным нам поручиком Яном Виткевичем. Виткевичу было дано чёткое задание: сопроводить Хусейна-Али до Кабула, договориться с местными купцами о торговле с Россией и заверить эмира, что Петербург готов оказать ему помощь деньгами и товарами.

Путь пролегал через Иран, где Виткевич встречается с русским посланником графом Симоничем, сторонником политики поддержки Дост-Мухаммеда в его борьбе с англичанами. Симонич предоставляет Виткевичу казачий конвой и тот в конце декабря 1837 года въезжает в Кабул. Британские власти уже знали о прибытии русского посланника, английские дипломатические представители в Персии поспешили их об этом уведомить. К тому же по дороге Виткевич был узан английским офицером Генри Роулинсоном. В Кабуле поручик знакомится со своим политическим противником британским агентом Александром Бёрнсом, возглавлявшим английскую дипломатическую миссию при дворе афганского эмира.

Виткевич заверил афганского правителя в поддержке и помощи со стороны России. Молодой дипломат был очень красноречив и в результате Дост-Мухаммед полностью доверился русскому посланнику, а Александра Бёрнса попросил покинуть Кабул. Успешные пере-

говоры Виткевича вызвали настоящий шок в британском правительстве. Англия посылает России жёсткую ноту протеста и, не желая обострения русско-английских отношений, царское правительство отказывается признать заключённый Виткевичем договор. Со своего поста был отозван русский посланник в Персии граф Симонич, а его место занял полковник А. О. Дюгамель, который «начал с того, что отозвал из Кабула поручика Виткевича...».

В апреле 1839 года начинается вторжение английских войск в Афганистан, цель которого – смещение Дост-Мухамед-шаха и возведение на трон более лояльного к Британии правителя. Виткевич, со всеми материалами, собранными в своем путешествии по Афганистану 1 мая 1839 года прибывает в Санкт-Петербург. В МИДе его встретили очень холодно, обвинив в превышении полномочий, данных ему Перовским.

Ян Виткевич и Александр Бёрнс в образе мусульман.

Планировавшееся представление Виткевича императору было отменено. Дело приняло очень печальный оборот и грозило обернуться дальнейшими неприятностями. Виткевич пребывал в мрачном расположении духа, что возможно и послужило причиной последующей трагедии.

Утром 9 мая 1839 года в номере гостиницы «Париж» на Малой Морской улице, было найдено мёртвое тело первого русского посланника в Афганистане с огнестрельной раной в голове. В камине кучка пепла от сожжённой бумаги. Документов, привезённых им с собой, нигде найдено не было. Осталась только предсмертная записка, адресованная друзьям. Официальная версия – самоубийство, однако она вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что в официальном документе полиции среди вещей, найденных в номере, пистолета не значилось. Это дало основание некоторым историкам и беллетристам выдвинуть версию убийства. Врагов у Виткевича хватало. Его могли убить либо британцы, не простившие ему дипломатический успех в Кабуле, либо польские инсургенты, обвинявшие его в предательстве. Тайна гибели русского агента не раскрыта и по сей день. Жизнь и деятельность Яна Виткевича вдохновила нескольких писателей – Юлиана Семёнова, Валентина Пикуля, Михаила Гуса и некоторых других. Кроме того, о судьбе первого российского посланника в Афганистане рассказывается в кинокартине 1981 года «Служа отечеству», снятого на студии «Узбекфильм» режиссёром Латифом Файзиевым. Виткевич в фильме явился прототипом главного героя Алексея Налымова.

Тем временем в Афганистане продолжались военные действия. Англичане, не испытывая поначалу особого сопротивления, до Кандагара дошли без потерь. Дост-Мухаммед решил двигаться британцам навстречу, однако, вследствие разброда и дезертирства в своей армии, потерпел неудачу и бежал (позже он сдастся англичанам и будет отправлен на жительство в Индию). 7 августа 1839 года английский ставленник Шах-Шуджа торжественно вступил в Кабул и воцарился на афганском троне. Кабул встретил оккупантов и Шуджу настороженно. По словам английского историка Кея, «это было больше похоже на похоронную процессию, чем на въезд короля в столицу своего вновь обретенного царства».

Британцы, утвердив в Кабуле лояльного, как им казалось, правителя, уходить, однако, явно не собирались, что совершенно не устраивало нового кабульского властителя. Нарастало возмущение и в афганском народе. Вспыхнуло восстание, в результате которого англичане потерпели поражение и вынуждены были бесславно уйти. Эмиром Кабула снова стал Дост-Мухаммед, правивший до самой своей смерти в 1863г.

Так закончилась первая англо-афганская война. Престиж британской короны был существенно подорван. Погибли тысячи английских солдат, а британская казна потеряла 25 миллионов фунтов.

Трагично сложилась и судьба Александра Бёрнса. Во время стихийного восстания в Кабуле в 1841 году, он был зверски растерзан толпой.

После неудачи похода Перовского и поражения Англии в афганской войне, в отношениях двух империй казалось, наступило затишье. Однако это было кажущееся впечатление. Тайная война не утихла ни на день. Дальнейшие события это подтвердили – активная борьба за господство в Центральной Азии через некоторое время возобновилась с новой силой.

Глава третья. Оренбург – центр русской разведки в Центральной Азии

Воспользуемся этим небольшим затишьем, чтобы рассказать, как осуществлялась разведывательная работа России в Центральной Азии.

В начале XIX века форпостом для продвижения империи на Восток стал Оренбург. Именно через этот город Империя осуществляла торговые и дипломатические сношения не только с близлежащими странами, но также с Афганистаном и Индией. Совершенно понятно, что благодаря этому Оренбург стал центром организации политической разведки России на среднеазиатском направлении.

В служебные обязанности, назначаемого «по высочайшему повелению», то есть лично царем, генерал-губернатора, кроме всего прочего, входило: охрана и защита рубежей Российской империи, отслеживание политики сопредельных государств, развитие трансграничной торговли, а также защита интересов купцов как от разбойников, так и от произвола ханских чиновников. Для защиты границ края была возведена Оренбургская укрепленная линия – система воинских гарнизонов, располагавшихся в крепостях и фортах. Создание этой системы было жизненно необходимо, поскольку в повседневной жизни приграничья нередки были случаи нападения разбойников на казахские и русские поселения и проезжающих торговцев. «Степные хищники» – как называли эти шайки, грабили караваны, угоняли скот и уводили в плен людей для последующей продажи их в рабство на невольничьих рынках Хивы.

Осуществлением разведывательной деятельности для получения информации политического, экономического и военного характера, столь необходимой русскому правительству, занимались три учреждения, принадлежащие трем различным ведомствам. Это были: Оренбургская пограничная комиссия – орган министерства иностранных дел; специальное отделение штаба Отдельного Оренбургского корпуса – орган военного министерства и Оренбургский таможенный округ, входивший в систему Министерства финансов. Несмотря на разную под-

чинённость работали они довольно слаженно. Это объясняется тем, что на месте они подчинялись непосредственно генерал – губернатору, который координировал их деятельность.

В 1830-х гг. одной из важнейших задач разведки становится выявление, наблюдение и противодействие британской экспансии в регионе. Председателями пограничной комиссии, в разное время, были такие выдающиеся деятели как генерал Григорий Фёдорович Генс, востоковеды Михаил Васильевич Ладыженский и Василий Васильевич Григорьев.

Генерал-майор Генс начал свою службу в звании поручика Оренбургского корпуса. В 1820—1821 гг. он участвует в первой дипломатической миссии в Бухару, а через четыре года встаёт во главе пограничной комиссии. Генс настолько блестяще знал жизнь, быт и

политику государств Центральной Азии и

Афганистана, что к нему прислушивался

даже Николай I. А министр Нессельроде

Г.Ф Генс и В.В Григорьев «на положение среднеазиатских дел в боль —
шинстве случаев смотрел глазами Генса».

В 1844 году Генса сменил Ладыженский, а того через десять лет — Григорьев. В состав комиссии, кроме русских военных и чиновников обязательно включалось несколько представителей казахской аристократии.

Способы получения информации были различны. В обязанности сотрудников комиссии, в частности входили встречи посланцев сопредельных государств. Общение с ними и их сопровождающими давало немало сведений о тех странах откуда они прибыли. Комиссия, кроме того, готовила и направляла в сопредельные страны российские дипломатические миссии и посольства, в состав которых обязательно включались сотрудники комиссии и штаба Отдельного Оренбургского корпуса. Яркой иллюстрацией такой деятельности служат миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву. Сын муллы, Абдулнасыр, был одним из первых русских полевых, или тактических, разведчиков

В Бухару он отправился в 1810 году, с личным посланием Александра I к бухарскому эмиру. Добравшись до эмирата Абдулнасыр с встретился с кушбеги – первым министром двора, передал ему заверения в дружественном расположении русского правительства к эмиру и пожелания российского правительства увеличить торговлю между двумя странами, особо упирая на обеспечение безопасности торговых караванов. Было у поручика и секретное задание – выяснить взаимоотношения Бухары с Хивой и Персией и узнать есть ли судоходство на Амударье. По возвращении Субханкулов представил подробный отчет о внутривосточной ситуации в Бухаре, о войне эмира с Хивой, о торговле и русских невольниках. За успешное выполнение задания Абдулнасыр Субханкулов был награжден «золотой медалью на красной ленте» и денежной выплатой в 750 рублей.

В своем отчете разведчик, в частности, сообщал, что в Бухаре в последнее время усилился приток водным путем английских купцов «с немалым своим коварным умыслом», которые всюду скупают «разные вещи и хлеб для себя высокою ценою, а продают оные в народе со значительным для себя убытком». Купцы, упоминаемые поручиком, были не совсем англичане, это были индийцы, представители Ост-Индийской компании. Так как, по словам Субханкулова торговали они себе в убыток, речь скорее всего идёт о попытках компании прощупать – можно ли вытеснить с рынка российских купцов. Интересно, что в записках Субханкулова от 1818 года, о посещении Хивы, английское проникновение в регион уже не упоминается. В Хиве, куда поручик был послан как официальный представитель оренбургских властей, он собрал подробные сведения о городе, нравах, настроениях и междоусобных расприх местной аристократии.

В отделе Генерального штаба Оренбургского отдельного корпуса сосредоточивались сведения главным образом военно-стратегического характера: о вооруженных силах соседей, их военных укреплениях и гарнизонах, боеспособности, о караванных путях и наиболее благоприятных маршрутах для движения войск, о топографии местности, характере рельефа, растительности и водных ресурсах. Под военным прикрытием велась топографическая съёмка местности, всё дальше и дальше продвигаясь в глубь Центральной Азии. Проводилась и агентурная работа, её осуществляли коменданты укреплений военной линии. Вербовались лазутчики, которые под прикрытием курьеров и торговцев, приносили сведения о положении в сопредельных странах.

Третий орган – таможенный, занимался сбором информации опрашивая караванщиков, купцов, приказчиков. Проведение такого опроса было обязательным для всех таможенных застав Оренбуржья. Это был вид «пассивной разведки», когда информация поступала практически без затрат, без активного поиска конкретной информации, необходимой в данный момент.

С вступлением в должность генерал-губернатора В. А. Перовского, разведка, осуществляемая Оренбургской пограничной комиссией, стала приобретать более наступательный характер. Как уже было сказано выше, Василий Алексеевич являлся сторонником активной политики России в Средней Азии, и придавал организации разведывательной деятельности очень большое значение. Уже через несколько месяцев после вступления в должность Оренбургского генерал-губернатора, в 1832 году, Перовский направляет в Азиатский департамент МИДа письмо, в котором пишет: «рассказы азиатцев бывают почти всегда неудовлетворительны по невежеству их и часто неверны по свойственной им недоверчивости, а потому весьма было бы полезно послать, по крайней мере в Бухарию, людей образованных и свободных от предубеждений, служащих причиной неискренности азиатцев. Потребность сия кажется сделалась еще необходимее с появлением в Бухарии и Хиве двух путешествовавших англичан». И далее предлагал направить от своего имени посланца к Хаким-бею – первому министру бухарского эмира для переговоров об обеспечении безопасности караванов в качестве официального прикрытия его конфиденциальной миссии.

Англичане, о которых упоминает Перовский, это служащие Ост-Индийской компании Уильям Муркрофт и Джордж Требек, которые прибыли в Бухару 25 февраля 1825 года. Муркрофт, ветеринарный хирург на службе Ост-Индийской компании заведовал там конезаводами. В поисках племенных лошадей, он совершил несколько путешествий в Кашмир, Тибет и Афганистан. Глава Политического и Секретного отдела Ост-Индской Компании, то есть фактический начальник разведки, Чарльз Меткаф решил использовать одержимость и романтизм, свойственные Муркрофту, в своих целях. Он предложил тому продолжить работу по поиску племенных лошадей, но при этом попутно собирать географические и политические сведения о посещаемых им землях. Для этого он исхлопотал разрешение Ост-Индской компании и частично профинансировал экспедицию в Бухару. Муркрофт использует эту поездку, чтобы попытаться найти в Бухаре туркменских ахалтекинских скакунов, но, также, выполняет и разведывательные задания Меткафа.

Джордж Требек был сыном давнего знакомого Муркрофта и служил у него в качестве научного сотрудника в обязанности которого входили метеорологические наблюдения, описание маршрутов и топографическая съемка, а также ведение экспедиционных дневников. Лошадей в Бухаре англичане не нашли, а на обратном пути погибли. То ли были отравлены, с целью ограбления, то ли умерли от лихорадки.

Предложение оренбургского генерал-губернатора отправить Бухару своего человека, было одобрено лично императором, что показывает, какое большое значение придавал Николай I разведывательной работе на окраине империи. Для этой ответственной миссии был выбран старший учитель восточных языков при Оренбургском Неплюевском военном училище, Пётр Иванович Демезон. Инструкции, полученные Демезоном были довольно обширны. Необходимо было обратить внимание на самые разнообразные вещи – от цен на товары до возможности выкупить бумаги, оставшиеся от Муркрофта и Требека. Однако главное задание состояло в изучении вопроса русско-бухарской торговли. Принимая во внимание как в Бухаре относятся к европейцам, было решено, что Демезон отправится в путь в облиии татарского муллы Мирзы Джафара.

10 ноября 1833 года из Орска вышел караван, в котором вместе с купцами ехал татарский мулла Мирза Джафар. До Троицка путешественников сопровождал военный конвой под начальством коменданта Орской крепости подполковника Исаева, а дальше они продвигались уже самостоятельно.

Полтора месяца опаснейшего пути где путников подстерегали холод, болезни и по — стоянный страх стать добычей разбойников.

29 декабря караван наконец достиг Бухары. Но и в пути Демезон времени даром не терял — описывал земли, по которым идёт караван, отмечал расположение колодцев и переправ через реки. Четыре месяц продолжалось пребывание «Мирзы Джаффара» в Бухаре и за это время Петру Ивановичу удалось сделать довольно много. Неоднократно встречается он с кушбеги, знакомится с другими ханскими сановниками, изучает особенности торговли, боеспособность войск, город, быт и нравы его жителей. Первое донесение Демезона пришло в Оренбург в апреле 1834 года. В нём сообщалось о первоначальных

П. И Демезон которые удалось собрать раз сведениях,

ведчику. На основе этого сообщения Перовский информировал Петербург о состоянии дел в Бухарском ханстве. По возвращении в Оренбург, Демезоном были составлены два подробных отчёта. В одном из них сообщалось о желании бухарского эмира, чтобы Россия построила две крепости на обоих берегах Сырдарьи в целях обеспечения безопасности торговых караванов. Перовский, понимая важность такой информации, незамедлительно сообщает об этом в Петербург.

Кроме того, военный губернатор просит директора Азиатского департамента МИДа К. К. Родофиникина, о награждении Петра Ивановича орденом и деньгами. Родофиникин отвечает, что он не против награды, однако вряд ли можно наградить орденом: «Мал чин, нет еще и пряжки» и, скорее всего, от государя последует отказ. В крайнем случае, пишет далее Родофиникин, можно будет повысить П. И. Демезона в чине и дать денег. Перовский настаивает, и в следующем письме просит директора департамента все-таки похлопотать перед государем и тогда «кажется можно надеяться, что необыкновенная заслуга сего чиновника не будет подведена под обыкновенные правила, для наград установленные». Родофиникин, уступив настояниям Василия Алексеевича, рискнул обратиться к Николаю с этой просьбой. И император разрешил, «в противность существующих правил» наградить Демезона орденом Анны 3-й степени и тремя тысячами рублей серебром и ассигнациями.

По поводу же английских бумаг, Пётр Иванович в своём отчёте написал: «Муркрофт и два его спутника, приехавшие из Индии в Бухару в 1825 году, на обратном пути были отравлены. Первый в Андохе и двое других в Мазаре (Мазари-Шариф), в двадцати пяти верстах от Балха. Часть их имущества и их бумаги до сих пор находятся в руках правителей Мазара. Англичанам пока не удалось заполучить бумаги своих погибших в Бухаре посланцев».

Характеризуя английского агента, Демезон пишет: «Муркрофт был чрезвычайно неосторожен; он щеголял, хвастал и хвастался богатством, угощал на золоте и на серебре и тем подал сам повод алчному корыстолюбию бухарцев посягнуть на жизнь его».

В 1837 году личные вещи, дневники и деловые бумаги Муркрофта были безвозмездно переданы правителем Кундуза Мурат-бека лейтенанту Дж. Вуду и доктору Персивалю Лорду в благодарность за медицинскую помощь, оказанную Лордом брату правителя Кундуза.

Тем временем передышка закончилась. За это время, соперники, воздерживаясь от активных действий укрепляли существующие границы. Россия, строя форты и укрепления, вышла на берега Сырдарьи, и стала сосредотачиваться перед новым прыжком на юг.

Глава четвёртая. Дипломаты и разведчики

К середине 40-х годов XIX века, между двумя империями происходит некоторое сближение. Николай I даже совершает официальный визит в Англию, где встречается с королевой Викторией. Российский император очаровал правительницу Британии своей внешностью и изящными манерами.

«Его профиль красив, а таких больших и выразительных глаз я никогда прежде не видела» – отметила 25-летняя королева. Русский царь проводит также переговоры с премьер-министром Робертом Пилем и министром иностранных дел лордом Абердином, где заверяет английское правительство, что желает дружеских отношений с Великобританией и не намерен притязать ни на какие новые территории ни в Азии, ни, тем более, в Индии.

О своих интересах, тем не менее, две соперничающие державы в этот период затишья, не забывали. И Россия, и Англия начинают укреплять свои границы на азиатском направлении и продолжают покорение беспокойных соседей. К этому времени перед Российской империей встают новые внешнеполитические задачи – обеспечение прочного положения в Средней Азии и установление полного контроля над Киргизской степью.

После неудачного похода 1839 года, Перовский решает перейти в отношениях с Хивой на мирную почву. С этой целью в 1841 году он организует дипломатическую миссию к Кул-хану. Человек, долженствующий возглавить эту миссию, должен был обладать определёнными качествами и пользоваться полным доверием Перовского. Выбор генерал-губернатора падает на штабс-капитана Порфирия Никифорова, одного из участников злосчастного похода. Однако, как показали дальнейшие события, выбор этот был не совсем удачен.

В Хиве русскую миссию встретили весьма прохладно. Однако штабс-капитана это не смутило. Во время аудиенции у хана он смело отстаивает российские интересы, но ведёт себя при этом, с точки зрения восточного этикета, не совсем почтительно. Никифоров заявив, что Россия не позволит хивинцам собирать дань с казахов к северу от реки Эмбы, так как они являются российскими подданными, потребовал также признания за Россией прав на восточный берег Каспийского моря.

«Вы должны прилипнуть к России, как рубашка к телу, потому что Россия такая большая держава, что если упадет на Вас, то раздавит совершенно так же, как моя обувь давит малых козляков на дороге» – в таком стиле изъяснялся русский посланник. Это конечно не сильно понравилось хану и его министрам, и они хоть и приняли подарки, но договор заключать не стали. Никифоров уехал из Хивы практически ни с чем.

Были у посланца Перовского и другие, «секретные» задания, о чём свидетельствует письмо Оренбургского генерал-губернатора военному министру от 9 января 1841 года. Там, в частности говорится, что, несмотря на краткость пребывания своего в Хиве, «временный агент будет в состоянии собрать многия об этой стране сведения». К сожалению, каких-либо письменных свидетельств о пребывании миссии в Хиве не осталось. Никифоров по возвращении в Оренбург едва приступив к отчёту, был вызван в Петербург и по дороге скончался от сердечного приступа. В оставшихся после него бумагах ничего стоящего не нашли, поскольку Никифоров, из опасения, что его бумаги попадут в руки к хивинцам, не вел ни дневника, ни других путевых заметок.

И всё-таки совсем неудачной миссию Никифорова назвать нельзя. Вместе с ним в Оренбург прибыл посланник Кул-хана Аллакули Вансавай Набиев со свитой в 16 человек. Петербург был крайне заинтересован в мирном и торговом договоре с Хивой, поэтому посольство без промедления отправили в столицу. Посла Хивы принял министр иностранных дел России, граф Нессельроде. Вскоре состоялась аудиенция и у российского императора. Николай I, по свидетельству очевидцев, «принял хивинского посла очень милостиво». Но подписать

договор не получилось: У Набиева не было полномочий принимать какие-либо решения без ведома хана, а телеграфного сообщения с Хивой тогда, естественно, не было.

9 мая 1842 года хивинское посольство, получив дорогие подарки, отправилось восвояси. Пока хивинцы добирались до Оренбурга, Перовский готовил новую миссию к Кул-хану, но отправлять её пришлось сменившему его на посту Оренбургского генерал-губернатора В. А. Обручеву.

В августе 1842 года новое посольство во главе с подполковником Г. И. Данилевским отправляется в Хиву. В инструкциях, полученных от Министерства иностранных дел, предписывалось постараться «внушить хану доверие к бескорыстным видам России и утвердить в Хиве наше нравственное влияние». При этом Данилевский не должен был затрагивать щекотливого вопроса о границах, а настаивать только на понижении пошлин на русские товары. Лишь, в крайнем случае, попытаться определить границу России с Хивой по реке Сыр-Дарье, северному берегу Аральского моря и северном Чинку до Каспийского моря. Ещё одна задача: добиться согласия хана на принятие в Хиву нашего консула и на освобождение 1500 персидских невольников, о чём просил русское правительство персидский шах.

Были поставлены также задачи научного, разведывательного и военно-топографического характера, для чего в состав миссии были включены натуралист Ф. И. Базинер, чиновник пограничной комиссии Григорьев и военные топографы братья Зеленины.

Прибыв в Хиву, Данилевский начинает переговоры с ханом, однако тот неожиданно умирает и диалог на время прерывается. Новый хан Рахимкули, не стал отказываться от переговоров с русским послом, и 27 декабря они завершились подписанием «Обязательного акта», скреплённого ханской печатью. Миссия, таким образом, закончилась успешно. Лишь вопросы о персидских пленниках и российском консуле в Хиве не были решены положительно. Хива, согласно договору, обязалась не предпринимать более ни явных, ни тайных враждебных действий против России и «поступать вообще во всех случаях, как подобает, добрым соседям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественной Российской империей». Со своей стороны, Данилевский от лица Российской империи обещал: «предать забвению прежние неприязненные против неё действия хивинских владетелей, отказаться от требования уплаты за разграбленные до сего времени караваны; обеспечить совершенную безопасность и законное покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным; предоставить во владениях России хивинским торговцам все преимущества, коими пользуются купцы других азиатских стран»

Секретные задания, также были выполнены: составлены карты и описания местности, собраны сведения о численности, родоплеменной принадлежности и расселении казахских родов, кочевавших в Хивинском ханстве, Базинер в своих путевых заметках описал быт и традиции местных племён.

31 декабря русская миссия, после трёх с половиною месяцев пребывания в ханстве, выступила из Хивы и 11 февраля 1843 года благополучно достигла крепости Илецкой Защиты (ныне город Соль-Илецк). Заслуги Данилевского были оценены по достоинству: за успешную миссию он был произведен в генерал-лейтенанты и переведен в Петербург. Перед ним открывалась успешная карьера, но в судьбу 35-ти летнего генерала вмешалась любовная страсть. Данилевский влюбляется в девушку из знатного рода – дочь правителя одного из южнославянских княжеств. Для её семьи брак этот был мезальянсом, и родители поспешили увезти девушку из Петербурга на родину. Узнав об этом, Данилевский бросился вслед любимой и нагнал её экипаж на почтовой станции. Распахнув дверцу кареты, он выстрелил себе в голову.

К середине 1840 гг. одновременно с дальнейшим продвижением России в Центральную Азию начинается системное изучение её территории. В 1845 году в России появляется мощный научный ресурс, непосредственно задействованный в русской азиатской политике – Императорское Российское географическое общество (ИРГО). К этому же времени начинается раз-

работка основ таких наук как военная статистика и военная география. В этой связи необходимо вспомнить заслуги военного историка и теоретика, военного министра Д. А. Милютина и профессора Николаевской Академии Главного штаба А. И. Макшеева. Активно начинает применяться такая форма активной разведки, как военно-научные экспедиции. Именно военные задачи стояли в них на первом месте, хотя чаще всего они осуществлялись под прикрытием Русского географического общества и официально именовались научными.

Д. А. Милютин (1816—1912) и А. И. Макшеев (1822—1892).

Академия Главного штаба готовила специальных офицеров-геодезистов, которые должны были не только производить топографические работы, но и заниматься рекогносцировками. В их обязанности входила съёмка местности для последующего нанесения на карту, изучение путей возможного продвижения войск, их обеспеченность водой, запасами пищи, фуража и т. п. Ярким примером такой деятельности может служить изучение полуострова Мангышлак в 1846 году подполковником М. И. Иваниным, ставшим первым русским исследователем полуострова, гор Ак-Тау и Каратау. Эти сведения сильно пригодились во время Хивинского похода 1873 года.

Большое внимание стало уделяться подготовке военных специалистов со знанием восточных языков. Этим занимались кадетские корпуса в Оренбурге и Омске. Выпускники, прежде всего этих учебных заведений, были вовлечены в разведывательные операции в Средней Азии.

В Оренбурге Обручев продолжает возведение военных поселений, и в 1847 году, на берегу Сыр-Дарьи, военным инженером К. И. Герном, строится форт Раим – первое российское военное укрепление в Приаралье. Выбор именно этого места произошёл благодаря довольно комичному случаю. В 1846 году Главный штаб отправил военного топографа капитана Лемма в Оренбург с важным заданием – определение астрономических пунктов в степи. Генерал-губернатор Обручев, для разведки местности около Сыр-Дарьи, отправляет с Леммом капитана Шульца. И тот по невнимательности или незнанию, принимает камыш, росший

по берегам реки, за траву и в своем донесении пишет, что «около урочища Раим, в 60 верстах выше устья реки, можно накашивать до миллиона пудов душистого сена». Обрадованный Обручев, наградив капитана, испрашивает у Петербурга разрешения построить на Раиме укрепление. Добро было получено и в следующем 1847 году он, с многочисленным отрядом и необходимыми материалами отправляется на Сыр-Дарью. Прибыв на место, и, увидев вместо сочной травы камыш, он смог произнести только: «так это Раим»! Возвращаться назад он, тем не менее, не стал, и укрепление было построено. Шульца же он оставил там, приказав не возвращаться, пока тот не найдёт траву. Так, благодаря случайности, было заложено первое русское поселение в низовьях Сыр-Дарьи. И, как пишет в своих воспоминаниях А. И. Макшеев: «не будь ошибки капитана Шульца, мы бы, может быть, до сих пор не были на Сыр-Дарье, а не только в Ташкенте, Кокане и Самарканде». Тогда же в Раим были переселены 26 семей оренбургских казаков, а на следующий год туда была доставлена построенная в Оренбурге двухпушечная шхуна «Константин» В составе её экипажа, рядовым, служил будущий классик украинской литературы Тарас Григорьевич Шевченко. В 1852 году в Раим были доставлены, в разобранном виде, построенные в Швеции железные пароходы «Перовский» и «Обручев», названные в честь оренбургских генерал-губернаторов. Невиданные до того времени пароходы потрясли воображение местных жителей и укрепили престиж России в этих краях. Хивинцы приходили от их вида в ужас и убегали подальше от берегов. В дальнейшем эти суда сыграли очень важную роль в исследовании Аральского моря.

В 1851 году в Оренбург, после 9-ти летнего перерыва, на должность генерал-губернатора возвращается Перовский. Василий Алексеевич справедливо полагал, что российское проникновение на юго-восток меняет отношения со среднеазиатскими ханствами, и что в связи с этим, необходимо расширить взаимоотношения с Коканом, одним из важнейших государств региона, которое в то время располагалось на обширной территории современных Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, южного Казахстана и даже части Китая. Сведения же о Кокандском ханстве были скудны и противоречивы. Для сбора информации нужен был человек острого ума, умеющий наблюдать и запоминать. Кроме того, человек этот не должен был вызвать ни малейшего подозрения у местных властей. Перовский такого человека находит, о чём сообщает в Петербург: «По тщательным розыскам я решился употребить для сего ростовского мещанина Семёна Ключарева, так как он с 1840 года проживал по торговым делам купцов Баранова, Зубова и Пичугина в Хиве, Бухаре и Ташкенте, умел вселить там к себе уважение и доверие и, хотя не имеет ученой образованности, но одарен здравым взглядом и наблюдательностью». Председателем Оренбургской пограничной комиссии В. А. Ладыженским для Ключарева были составлены «Записка о сведениях, которые нужно собрать во время следования каравана и там на месте», а также «Наставление», в котором давались инструкции, каким образом это нужно делать. Сведения, которые желали получить Перовский и Ладыженский были следующие: какие выгоды может представлять Кокан для торговли с Россией, можно ли наладить оттуда вывоз товаров для удовлетворения потребностей русских поселений в Средней Азии и возможно ли тесное политическое и торговое сближения между Кокандом и Россией. Ставилась также задача выкупить из неволи российских подданных.

16 октября 1851 года торговый караван Ключарева отправляется из Троицка в Ташкент и через 9 месяцев, посетив кроме Ташкента, Туркестан и Коканд, благополучно возвращается обратно. Результаты этой торгово-разведывательной миссии вполне удовлетворили Перовского. Ключарев представил подробную информацию о положении в Коканде, о ходе боевых действий Худояр-хана против взбунтовавшегося Ташкента, о его отношениях с Бухарой и Хивой, представил отчёт о природных условиях и наиболее удобных путях в Кокандское ханство. В сентябре 1852 года Перовский направляет в Азиатский департамент подробный 30-ти страничный доклад, основанный на информации, полученной от Ключарева.

Не менее активны в этот период были и англичане. В 1843 года, индо-британские войска под командованием генерала Чарльза Нэпьера захватили расположенное в Бенгальском заливе государство Синд (часть нынешнего Пакистана). Генерал, безусловно, обладал хорошим чувством юмора. После этого успеха он послал в Лондон телеграмму с одним латинским словом «Рессави» – я согрешил, что по-английски звучало как каламбур – «I have sinned». Затем британцы провели две небольшие, но кровопролитные войны против пенджабских сикхов и в 1849 году окончательно присоединили провинцию Пенджаб к ранее покоренным индийским территориям. Это привело к появлению общей границы между Британской Индией и Афганистаном, где на троне вновь восседал вернувшийся из ссылки Дост Мохаммед.

Выход России к берегам Сыр-Дарьи, завершил эпоху относительно бескровного продвижения Империи через Киргизскую степь, начиналась новая эпоха – эпоха военных походов. Время дилетантов в разведке – купцов, караванщиков, курьеров, уходило в историю. Наступало время профессионалов.

Глава пятая. Империя готовится к прыжку

Укрепившись на устье Сыр-Дарьи Россия «очутилась в соседстве с Хивой, Бухарой и Коканом». И, как пишет военный историк М. А. Терентьев: «из них только Бухара сидела спокойно, остальные двое соседей беспрестанно тревожили наших киргизов и делали набег». Напомню, что в то время киргизами называли казахов, а собственно киргизов – каракиргизами.

Построив на Сыр-Дарье небольшие укрепления (Чим-курган, Кош-курган, Джулек, Кумыш-курган) кокандцы нападали на русские и казахские поселения, отбивая и угоняя скот и облагая казахов, которые были российскими подданными, тяжелыми поборами и повинностями. Самым значительным укреплением кокандцев являлась Ак-мечеть, построенная около 1817 года.

Чтобы положить конец набегам и защитить кочевые племена Перовский ставит перед обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса Иваном Фёдоровичем Бларамбергом следующую задачу: «отправиться в Аральск, сформировать там отряд и, неожиданно явившись под Ак-мечетью, взять ее и разрушить». Тут следует остановиться, чтобы рассказать об этом замечательном человеке, одном из самых выдающихся участников «Большой игры».

Ровесник девятнадцатого века, немецкий юноша Иоганн Бларамберг, после обучения в Гисенском университете, в 1823 году приезжает в Москву. Здесь, поселившись у близких родственников, он изучает русский язык, историю, географию, совершенствуется в математике и рисовании, будто предчувствуя, что всё это ему чрезвычайно пригодится в дальнейшем. Через год Иоганн принимает российское подданство и становится Иваном Фёдоровичем. В феврале 1825 года Иван перебирается в столицу, становится воспитанником Института Корпуса инженеров путей сообщения, и 6 июня 1826 года, с отличием оканчивает его, получив чин прапорщика. С тех пор вся жизнь Ивана Фёдоровича была посвящена служению России. Во второй половине 1829 года мы видим его на полях сражений русско-турецкой войны. В марте 1830 года Бларамберг был награждён орденом Анны 3-й степени, а в апреле переведен в Генеральный штаб и назначен в Отдельный Кавказский корпус. Летом того же года за участие в кавказских походах был награждён орденом Владимира 4-й степени и золотой шпагой «за храбрость». В 1836 году ему был присвоен чин капитана. Тогда же он принял участие в экспедиции Глеба Карелина по изучению берегов Каспийского моря, где производил съёмки и астрономические наблюдения. В 1850 году в издании Русского географического общества были напечатаны: «Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году», и «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган». В 1837 году в качестве одного из советников персидского шаха Мохаммеда капитан Бларамберг принимает участие в осаде Герата, о чём составляет обстоятельную записку «Осада города Герата, предпринятая персидской армией под предводительством Магомед-шаха в 1837 и 1838 годах». В феврале 1839 года Бларамберг подготовил и отправил в Петербург доклад под названием «Взгляд на современные события в Афганистане» и обзорную работу «Сведения об Хорасане, Четырёх Оймаках, гезаре, узбеках, Сеистане, Белуджистане и Афганистане». В марте 1840 года он получает приказ об откомандировании в Отдельный Оренбургский корпус. Туда он отправляется уже вместе с женой, Еленой Павловной Мавромихали, внучкой Стефана Мавромихали, вождя антитурецкого восстания в Греции.

Вот как описывает свою любовь сам Иван Фёдорович: «4 сентября я поехал в имение семьи Мавромихали (*под Севастополем, прим. В.Ф.*), отдал рекомендательные письма из Тифлиса, был любезно принят матерью и познакомился с младшей дочерью Еленой, о которой в Тифлисе мне много рассказывала ее сестра. Среднего роста, с удивительно красивыми

темными глазами, свежим цветом лица, пышными темно-каштановыми волосами, обладающая живым характером, она была создана для того, чтобы вызывать страсть. Ей было тогда 24 года. Ее окружало много поклонников, но она еще не сделала выбора. Я был тот счастливец, которому она отдала свое сердце и руку, и через два дня после моего приезда между нами царил уже полное согласие».

Генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг (1800—1878) и портрет Е. Бларамберг. Т.Г.Шевченко. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев

В январе 1841 Бларамберг назначается командиром конвоя миссий Бутенева в Бухару и Никифорова в Хиву. С апреля 1845 года Иван Фёдорович уже полковник и обер-квартирмейстер Отдельного Оренбургского корпуса, а в октябре становится полноправным членом Русского географического общества. Под его руководством было проведено военно-географическое изучение рек в Киргизской степи – Джилхуар, Тобол и Большой Аят (1843), Ирғиз (1845), Темир, Эмба (1846).

Именно этому опытнейшему офицеру была поручена военная экспедиция к кокандской крепости. Формально, для «верховного начальства», перед обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса ставились лишь «рекогносцировочные» цели. По существу, же он должен был при благоприятных обстоятельствах овладеть Ак-Мечетью.

3 июля 1852 года отряд, состоящий из полуроты пехоты, двух сотен казаков и пяти орудий выступил из Аральска на Ак Мечеть. Тайной, однако, для противника это не стало. Чтобы не допустить отряда Бларамберга к крепости кокандцы разрушили плотину, отделявшую Сыр-Дарью от озера Барказан и затопили окрестности Ак-мечети.

Несмотря на это русский отряд благополучно переправился через лежащие на пути водные преграды, используя камышовые плоты для переправы орудий и 19 июля, преодолев затопленную местность, вышел к стенам кокандской крепости. На следующее утро начался штурм, закончившийся неудачей, – сил было явно недостаточно. «Во время штурма 10 человек было убито и 40 ранено. Поручик Ромишевский получил пулю в живот; к счастью, это был рикошет. У меня была прострелена фуражка; пуля оторвала недалеко от левого виска бархатный око-

лыш; пройди она на четверть дюйма ближе, и я был бы убит», пишет в своих воспоминаниях Бларамберг.

Пришлось отступить. Разрушив по дороге небольшие укрепления и две мелкие крепости, отряд возвращается в Оренбург. Однако никаких претензий к обер-квартирмейстеру у Перовского не было, – основная задача, рекогносцировка местности, была выполнена успешно. За поход на Ак-Мечеть Иван Фёдорович был произведён в генерал-майоры.

Чтобы закончить рассказ о жизни и деятельности И.Ф.Бларамберга скажу, что в декабре 1855 года он был переведен в Петербург в распоряжение военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба. Здесь он руководил составлением «Генеральной карты Российской империи». В апреле 1862 года Иван Бларамберг получил звание генерал-лейтенанта; в декабре 1863 года его назначили управляющим Военно-топографической частью Главного управления Генерального штаба, а в январе 1866 года начальником Военно-топографического отдела Главного штаба и начальником Корпуса военных топографов. Его фамилия выбита на настольной юбилейной медали «В память 50-летия Корпуса военных топографов. 1822—1872». Скончался И. Ф. Бларамберг 8 декабря 1878 в крымском имении своей жены.

Но вернёмся в Оренбург. На следующий год поход на Ак-Мечеть возглавил лично оренбургский генерал-губернатор, и после 22 дней осады крепость пала, став частью Оренбургской укреплённой линии. Вероятно, впервые в этих краях штурм был поддержан корабельной артиллерией. К крепости, вверх по Сыр-Дарье, поднялись пароходы «Перовский» и «Обручев».

Кокандцы, через четыре месяца, попытались вернуть Ак-Мечеть, но потерпели тяжёлое поражение, потеряв до 2000 человек убитыми и ранеными.

Последовательно меняя название – Ак-Мечеть, Форт Перовский, г. Перовск, – ныне это город Кызылорда в Республике Казахстан.

Взятие Ак-Мечети, по словам Бларамберга: «имело важное значение для усиления морального влияния нашего правительства в Центральной Азии, и это был первый шаг к нашим позднейшим завоеваниям в этой части света». В результате этого психологического перелома – был решен вопрос, который продолжительное время заставлял русские власти «топтаться» на Оренбургской линии. Что произошло далее, весьма красноречиво характеризуют слова полковника Генерального штаба Ю. А. Сосновского – «Раз начав работу штыком, можно ли предвидеть, когда и где остановимся».

Казалось, две империи неторопливо приближая границы своих владений друг к другу, соблюдают негласное мирное соглашение. Однако вскоре произошло событие, которое резко обострило отношения соперничающих держав. 21 июня 1853 года русские войска, под предлогом защиты христиан, оккупировали находящиеся под протекторатом Османской империи, дунайские княжества Молдавия и Валахия. Османский султан Абдул-Меджид I 4 октября объявил России войну. На стороне Турции выступили Франция и, к удивлению Николая I, Британия. Так началась Крымская война.

Чем она закончилась общеизвестно. После беспримерной обороны Севастополя, продолжавшейся 349 дней, русские войска отступили из города, предварительно взорвав склады, пороховые погреба и затопив суда военной эскадры. Россия потерпела поражение и вынуждена была пойти на подписание мирного договора.

2 марта 1855 года император Николай I скончался в Зимнем дворце, по официальной версии, от гриппа. Однако, как в России, так и в Европе широко распространились слухи о том, что российский император принял яд, не перенеся позора военного поражения. Основанием для такого рода предположения, по словам историка Е.В.Тарле, послужило то, что «знавшие его натуру и русские и иностранцы впоследствии нередко говорили, что они никак не могли представить себе Николая, садящегося в качестве побежденного за дипломатический зеленый стол для переговоров с победителями». Думаю, всё же, версия эта сомнительна. Доктор медицин-

ских наук Валерий Пайков в своей весьма убедительной работе «Медицинские аспекты смерти Николая I» пишет: «не следует забывать того важного обстоятельства, что Николай I был военным человеком до мозга костей, прекрасно знавшим, что войны несут с собой не только потери, но и поражения. И поражения надо уметь принимать с достоинством. И на их основе строить здание будущей победы. Характер этого человека, сильный, решительный, целеустремлённый, вся история его тридцатилетнего правления не дают ни малейшего основания для предположений суицида с его стороны по причине частых военных неудач».

На престол вступает Александр II, названный впоследствии «Царём Освободителем», и, в истории противостояния двух Империй в Центральной Азии, открывается новая страница.

Глава шестая. Блистательный граф Игнатьев

Наследство новому императору досталось тяжёлое. В своей первой речи перед членами Государственного Совета Александр II, в частности, сказал: «мой незабвенный Родитель любил Россию и всю жизнь постоянно думал об одной только её пользе. В постоянных и ежедневных трудах Его со Мною, Он говорил Мне:” хочу взять Себе всё неприятное и всё тяжкое, только бы передать Тебе Россию устроенною, счастливою и спокойною». Провидение судило иначе, и покойный Государь, в последние часы своей жизни, сказал мне: «Сдаю Тебе Мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя Тебе много трудов и забот».

В первую очередь нужно было с наименьшими потерями выйти из войны. В марте 1856 года в столице Франции состоялся конгресс, в котором приняли участие Россия с одной стороны, и Османская империя, Франция, Британская империя, Австрия, Сардиния, а также Пруссия с другой. В результате был подписан мирный договор, известный как Парижский трактат, по которому хоть и были ущемлены некоторые права и интересы России, однако обошлось без контрибуций. Территориальные потери оказались также минимальны.

В апреле того же года у руля внешней политики Российской империи встал Александр Михайлович Горчаков. К тому времени это уже был опытейший дипломат, послуживший в посольствах Лондона, Рима, Флоренции, Франкфурта-на-Майне и в ряде других европейских столиц.

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

Так в годы юности описывал Горчакова его лицейский приятель Александр Пушкин.

Мировоззрение нового министра и его богатый дипломатический опыт ярко проявились в циркуляре, который 21 августа 1856 года был направлен всем посольствам России. В нём Горчаков определил новые задачи внешней политики России после Парижского трактата. Слова, которые вскоре цитировала вся Европа, красной нитью проходили в этом документе: «Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится, Россия сосредоточивается». Это значило, что Россия воздерживается от активного вмешательства в европейские дела. Она наводит порядок в собственном доме, оправляясь от потерь и понесенных жертв. Кроме того, и это главное, Россия больше не намерена жертвовать своими интересами в угоду кому-либо и считает себя совершенно свободной в выборе своих будущих друзей.

Когда-то в столице Германского союза, Франкфурте-на-Майне, Горчаков близко сошёлся с Отто фон Бисмарком, который впоследствии назвал русского дипломата своим учителем. В одной из бесед Горчаков сказал Бисмарку фразу, которую тот запомнил на всю жизнь: «Молодой человек, не забывайте, что войны возникают от слов, тихонько сказанных дипломатами. А вы кричите даже слишком громко...». Многие, думаю, помнят популярный в 70-е годы прошлого века роман Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров». Главные герои романа – это Горчаков и Бисмарк.

Тем временем «Большая игра», несмотря на драматические события Крымской войны, не прекращалась. Даже во время боевых действий на Чёрном море, в среде российских военных витала идея нанести удар по Британии в Индии. В частности, генерал Дюамель разработал детальный план вторжения, цель которого была вынудить англичан перебросить войска

с крымского театра военных действий на среднеазиатский. Планом предусматривалось выйти от Каспийского побережья к Герату, а затем объединенными силами русских, афганцев и персов ударить либо из Кабула, либо из Кандагара. Предполагалось, что местное население с радостью поддержит «освободителей».

Мог бы этот план осуществиться? Вряд ли. Исходя из опыта истории, можно с уверенностью сказать, что план, по сути, был чистой авантюрой, не учитывавший географические, стратегические и политические реалии. Весьма маловероятно и то, что удалось бы договориться с Афганистаном и Персией. Так, что плюсов никаких этот план России не принёс, кроме возможно сознательной «утечки», чтобы заставить англичан держать в Индии значительные военные силы.

В 1856 года Бухара и Хива прислали свои посольства в Петербург с поздравлениями по случаю коронации Александра II. В письме новому императору бухарский эмир писал: «поставлено в обязанность отправить посольство для того, чтобы помолиться об упокоении души доблестного государя, принести поздравление с восшествием на престол Монарха по достоинствам равного Джемшиду..., и отправлено для большего скрепления уз, существующих еще со времен предков, и для упрочения взаимных отношений предшествовавших великих царей... да будет открыта дорога к дружбе и взаимным отношениям между обоими высокими государствами, дабы караваны и купцы двух держав приходили и уходили спокойно. В память посланы: один ковер кашемирской ткани, две шали резай-мешкин, пара вороных и пара чубарых лошадей, да сияет вечно солнце могущества в пределах государства». Правитель Бухары предлагал также направить ответные посольства из России. Примерно таким же было послание и хивинского хана.

Через два года ответная дипломатическая миссия была отправлена в Бухару и Хиву. Возглавил её граф Николай Павлович Игнатьев. Здесь мы остановимся, чтобы чуть подробнее рассказать об этом незаурядном дипломате и разведчике.

Николай Павлович родился 17 января 1832 года в Петербурге в семье, принадлежащей высшей знати Российской империи. Отец его, Павел Николаевич, был директором Пажевского корпуса, петербургским генерал-губернатором, в 1870-х годах – председателем Комитета министров. Ниолай оканчивает самое привилегированное учебное заведение России – Пажевский корпус, производится в офицеры и поступает в Академию Генерального штаба. Проявив незаурядные способности, он завершает обучение в 1853 году с большой серебряной медалью. На талантливого юношу обращает внимание лично Государь Император Николай I. Во время Крымской войны Игнатьев находится в войсках, размещенных на прибалтийском побережье. Служба в полку была короткой, но гусарская отвага и лихость остались и стали неотъемлемой чертой Игнатьева на всю жизнь. После окончания войны ему был присвоен чин ротмистра, а в июле 1856 года в качестве военного атташе он направляется в Лондон. Официально, для изучения истории внешней политики «владычицы морей». Од нако было задание и негласное. Лично Императором ему было поручено: изучить новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии, а также «привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии».

Военное министерство, также выдавшее Игнатьеву инструкции, интересовали сугубо военные вопросы. Сведения о сухопутных и морских силах Британии и новых видах оружия, состояние военно-учебных заведений, новейшие военные сочинения, планы и карты. От главы МИДа Горчакова молодой дипломат также получает задание. Петербург был крайне заинтересован в достоверной информации о действиях Англии в Центральной Азии и Игнатьеву поручалось сообщать о действиях английских войск в Персии и Индии.

Все задания были выполнены более чем успешно. Русский атташе посещая Вуличский арсенал и военные заводы в Бирмингеме, где испытывалось новое оружие, беседует с английскими офицерами, регулярно отправляет в Петербург донесения с описаниями и чертежами новых видов вооружений и о строительстве механизированных заводов по производству пушек. Отправлялись чертежи станков по производству нарезного оружия и его образцы. Военный министр Н. О. Сухозанет был весьма доволен работой атташе и неоднократно объявлял тому благодарность.

С пребыванием Игнатьева в Лондоне связана легенда о том, что во время демонстрации в Лондонском музее новейшего

оружейного патрона, он попытался незаметно положить его в

Н. П. Игнатьев. 1860-е годы карман, был разоблачён служителем и ретировался, сославшись

на дипломатическую неприкосновенность. И именно из-за этого ему пришлось покинуть Лондон. Об этом в частности пишет Евгений Примаков в своей 6-ти томной «Истории внешней разведки России». Однако историком В. М. Хевролиной убедительно доказано, что это всего лишь миф. Ни в дневниках, ни в письмах Н. П. Игнатьева нет никаких упоминаний о таком эпизоде.

В 1857 году Николай Павлович отправляется в большое путешествие по Европе и странам Ближнего Востока – он посещает Вену, Белград, Афины, Стамбул, Сирию, Палестину. По возвращении в Петербург Игнатьев усердно занимается среднеазиатскими делами. Им было подано несколько записок министру иностранных дел А. М. Горчакову, с предложением отправить в Среднюю Азию ряд научных экспедиций, которые также изучали бы возможности развития торговли и собирали разведывательные сведения. План был принят, и Николаю Павловичу было предложено возглавить ответное русское посольство в среднеазиатские государства. Поручить такую ответственную задачу 26-летнему офицеру, не имевшему большого опыта дипломатической деятельности, было делом рискованным, но, как покажут дальнейшие события, Александр II и Горчаков не ошиблись в выборе. Поддержал кандидатуру Игнатьева и директор Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевский.

Прибыв в Оренбург в мае 1858 года Игнатьев, к тому времени уже полковник, отправляется сначала в Хиву, а затем в Бухару. Кроме дипломатических задач и вопросов торговли, миссии поручалось произвести топографическую съёмку и исследование реки Амударьи. С этой целью в отряд были включены: А. Ф. Можайский, который организовал передвижение по реке на специально построенных для этой цели судах, востоковед П. И. Лерх, астроном В. Я. Струве, метеорологи, ботаники, фотограф А. С. Муренко. В июле миссия прибыла в Хиву. Встретила она там приём далеко не радушный, и переговоры с Саид Мухаммад-ханом закончились безрезультатно. Правитель Хивы поставил невыполнимые условия заключения договора, по которым Россия должна была признать за Хивой территории до Сырдарьи, Эмбы и Мерва, то есть уже освоенные русскими земли, а также признать власть Хивы над туркменскими племенами. 24 августа хан дал прощальную аудиенцию русскому посланнику. Опасаясь за свою жизнь, Игнатьев поехал во дворец с двумя казаками, а конвою приказал готовиться к отражению нападения. Видимо для устрашения перед дворцом были посажены на кол два человека. Во время аудиенции, вновь получив отказ на свои требования, хан посоветовал Игнатьеву быть стоворчливее, поскольку тот находился в его власти. Что произошло дальше, Николай Павлович описал в своих воспоминаниях: «Я ответил, что у государя много полковников и что пропажа одного не произведет беды. Задержать же меня нельзя. Я вынул пистолет и пригрозил убить всякого, кто ко мне подойдет. Хан испугался, и я вышел». На следующее утро привезли ответ на русские условия в запечатанном конверте на имя Александра II. Также были присланы подарки для царя – богатый ковер и два скакуна.

28 августа 1858 года русский отряд покинул Хиву и направился в следующий пункт своего назначения.

Лагерь миссии полковника Игнатьева близ Хивы. Фото поручика А. С. Муренко, 1858 г. Khiva. – Caught in Time: Great Photographic Archives. London, Garnet Publishing.

После ряда столкновений с туркменами, где был применён даже ракетный станок, миссия Игнатьева прибыла в Бухару. Здесь, в отличие от Хивы переговоры завершились весьма успешно. Был заключён торговый трактат, предусматривавший свободное плавание по реке Амударье русских судов, сокращение в два раза таможенных пошлин на ввозимые товары и учреждение в Бухаре торгового агентства. Бухарский эмир согласился на освобождение русских пленных и выслал по просьбе Игнатьева из Бухары двух английских агентов, которые на поверку оказались афганскими купцами. В декабре 1858 года посольство Игнатьева возвратилось в Оренбург.

В Петербурге результаты миссии были оценены чрезвычайно высоко. Кроме преференций для российской торговли с Бухарой, русское правительство получило ценную информацию о политическом и экономическом положениях ханств. Игнатьев составил обширную записку о Хиве, содержащую сведения о населении, характере правления, правящей верхушке, духовенстве. Подробно сообщалось о состоянии армии (роды войск, командование, финансирование), финансовом состоянии ханства, порядке землепользования, сельскохозяйственных культурах, состоянии скотоводства. На докладной записке Александр II поставил резолюцию: «Читал с большим любопытством и удовольствием. Надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать». Как видим, в Петербург Игнатьев возвратился уже в генеральском звании. Кроме того, он был награждён орденом Св. Анны 2-й степени с короной.

Далее была блистательная дипломатическая победа Игнатьева в Китае, где он, во время так называемой «Второй опиумной войны», выступил посредником между китайскими властями и объединёнными англо-французскими войсками.

В своём письме министру А. М. Горчакову Николай Павлович писал, что китайские правители: «не предпринимали ничего, не спрося предварительного моего мнения и указания, как поступить». Российскому дипломату принадлежит огромная заслуга в спасении Пекина, с его императорским дворцом и древними историческими памятниками, от разрушения. В результате Россия, в лице Игнатьева, подписала выгоднейший Пекинский договор. По нему к России присоединялись обширные азиатские территории, размером превышающие Англию и Францию вместе взятые. Кроме того, в Кашгаре и Урге (Монголия), открывались русские консуль-

ства, которых не было у англичан. Как писал английский историк Уильям Сайкс, – «Ни разу с 1815 года Россия не заключала столь выгодного соглашения, и, вероятно, никогда прежде такой подвиг не совершал столь молодой российский дипломат. Успехи 1860 года простирались весьма далеко, чтобы стереть досадные воспоминания о поражении в Крыму, тем более что они были достигнуты в замечательной манере переигрывания англичан».

После этого триумфа Игнатьев получает звание генерал-адъютанта и назначается на ответственный пост директора Азиатского департамента МИД. В этой должности он ратует за необходимость наступательной политики в Средней Азии мотивируя это неизбежностью борьбы с Англией.

Затем была служба в качестве чрезвычайного и полномочного посла в Стамбуле, где им была создана широкая агентурная сеть, поставлявшая ценнейшую информацию о положении в Османской империи.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Игнатьев был прикомандирован к свите царя и находился сначала в Румынии, а затем в Болгарии.

После окончания войны он один из главных участников мирных переговоров в Сан-Стефано. Именно Игнатьеву, в большей степени, обязаны Болгария, Румыния, Сербия и Черногория своим появлением на политической карте мира, как независимых государств.

В 1881 году Игнатьев был назначен сначала министром государственных имуществ, а затем министром внутренних дел. Однако уже через год вышел в отставку, оставаясь членом Государственного совета. В это время он активно занимался общественной деятельностью: был председателем общества содействия торговле и промышленности и членом Русского географического общества, возглавлял Петербургское славянское благотворительное общество, писал мемуары.

Конец жизни графа Николая Павловича Игнатьева был драматичен. Разорившись в результате финансовых авантюр, полузабытый и практически нищий он скончался в своём имении 20 июня 1908 года.

Но вернёмся в 1858 год. Практически одновременно с миссией Игнатьева, были отправлены ещё две экспедиции. Первую, в Хорасан и Герат, возглавил дипломат и востоковед Н. В. Ханыков. Её главной целью было ознакомление с политикой и положением Персии и Афганистана и налаживание сотрудничества с последним. Преследовала она и научные цели – изучение флоры и фауны региона, путей сообщения и тому подобное.

Ещё одну миссию возглавил 22-х летний поручик Российской армии Чокан Валиханов, впоследствии известный казахский просветитель и ученый. Экспедиция имела задачу проникнуть в западно-китайскую провинцию Кашгар, выяснить там обстановку и возможность восстановления торговых связей Кашгара с Россией.

Глава седьмая. Синеватая дымка Памира

Экспедиция Ханыкова в Персию и Герат носила в большей степени научный характер, хотя были у неё, разумеется, и секретные задания. Предыстория её снаряжения такова. Идея принадлежала Н. П. Игнатьеву. Александр II одобрил это предложение, и разработку проекта поручили видному востоковеду Николаю Владимировичу Ханыкову, сотруднику Азиатского департамента. В 19 лет Николай, самостоятельно изучив ряд восточных языков, принимает участие в миссии Бутенева в Бухару в 1841—1842 гг. Вышедшая через год после возвращения книга Ханыкова «Описание Бухарского ханства», была признана лучшим описанием Бухары и переведена вскоре на английский, французский и немецкий языки.

17 сентября 1857 г. Н. В. Ханыков представил председателю Русского географического общества Великому Князю Константину Николаевичу обширную докладную записку «Предположение об ученой экспедиции в Хорасан». Обосновывая её необходимость, он в частности, пишет: «часть Средней Азии, граничащая с Китаем, и юго-восточная часть Персии могут быть признаны за страны, о которых всякий без стыда в невежестве может признаться, что он мало или даже вовсе ничего не знает». Далее он определяет круг задач, которые должны быть поставлены перед экспедицией: «в какой степени богатства его (*этого края*, В.Ф.) могут служить подмогою европейской промышленности, в какой степени его хлопчатая бумага, шелк и аптекарские товары могут быть досдоступны выгодной обработке или продаже в Европе, в каком размере край этот способен потреблять

Н. В. Ханьков европейские обработанные произведения, словом сказать, какое место ему нужно дать в промышленной жизни человечества».

Через шесть дней проект был одобрен Советом Русского Географического общества.

Какие же задачи, кроме научных, вменялись Ханькову? Во-первых, ему необходимо было ознакомиться с обстановкой, складывающейся в соседних восточных странах, и способствовать укреплению в них влияния Российской империи. Во-вторых, МИДом поручалось провести переговоры с правителями различных афганских владений о создании союза «среднеазиатских ханств», направленного против Англии. Российское правительство стремилось убедить их, как было отмечено директором Азиатского департамента Е. П. Ковалевским: «в желании нашем не ослаблять ханств, но усиливать их, сколько возможно; мы хотели этим доказать, что наш собственный интерес требует того, чтобы поставить оплот завоевательным стремлениям Англии... Нельзя же было Министерству иностранных дел оставить в Средней Азии как можно более обширное пространство земель, так сказать нейтральных, не принадлежащих ни той, ни другой державе; мысль эта довела до того, что пока мы оставались спокойными и равнодушными в своих границах, Англия подвинулась из Индии до Лагора, завоевала последний, поставила комиссара своего в Афганистане и распространила влияние свое на Герат». В-третьих, инструкцией утвержденной Александром II, Ханькову поручалось попытаться установить отношения между Российской империей и Афганистаном. Для чего глава экспедиции должен был посетить Кабул, вступить в переговоры с эмиром Дост Мухаммадом и разъяснить тому политику России в Центральной Азии и, в частности, в отношении Афганистана. Необходимо было убедить эмира, в том, что Россия заинтересована в сильном и независимом Афганистане.

Русский посланник был снабжён личным письмом Вел. Кн. Константина Николаевича к Дост Мухаммеду, в котором разъяснялись научные цели экспедиции, и выражалась надежда, что «путь в подвластные Вам страны будет открыт тем, коих влечет туда благородная бескорыстная любознательность».

В начале 1858 года экспедиция, в которую кроме Ханькова вошли профессор Дерптского университета Г.А.Бунге, магистр этого же университета геолог К.Х.Гебель, преподаватель Петербургского технологического института Р. С. Ленц, представитель морского ведомства капитан-лейтенант П. О. Ристори и зоолог А. А. Кейзерлинг, двинулась в путь. В апреле, миновав Баку и Астрабад, экспедиция прибыла в Тегеран, где провела более месяца в переговорах с правительством Ирана. Затем, посетив города Шахруд, Нишапур и Мешхед, экспедиция прибыла в Герат. Правитель Султан Ахмад-хан встретил русских гостеприимно и оказал им всяческое содействие. Из Герата Ханьков отправил курьера к Дост Мухаммад-хану с просьбой разрешить посещение Кабула. Попытка эта, однако, успеха не имела. Дост Мухаммад-хан, предпочёл не нарушать договор с англичанами и отклонил просьбу русского посланника. Он хорошо помнил, чем закончилась 20 лет назад его благосклонность к капитану Виткевичу. Знал он и о поражении России в Крымской войне. И несмотря на полыхавшее в это время в Индии антибританское восстание и распространившиеся в афганской столице слухи, что там вырезали всех англичан, Дост Мухаммад остался верен англо-афганскому договору. Через несколько лет он был вознагражден за свою верность. В 1863 году Дост Мухаммад при молчаливом одобрении англичан захватил некогда утраченную провинцию Герат. Через 9 дней после этой победы эмир Афганистана умер, так и не узнав, что через 15 лет Англия и его страна вновь окажутся в состоянии войны. Но до этого произойдёт ещё немало событий.

В обратный путь экспедиция Ханькова направилась через Северный Сеистан, Южный Хорасан и Керман и в конце 1859 года благополучно возвратилась в Россию, проведя в путешествии почти полтора года.

Хотя больших политических успехов миссия Ханькова не добилась – стремление России создать в Центральной Азии заслон своему сопернику потерпело неудачу – научные достиже-

ния экспедиции оказались весьма велики. Была исследована территория, превышавшая по площади почти 400 тысяч кв. километров, достигнуты важные результаты в изучении климата, растительного и животного мира этой территории и собраны богатейшие этнографические и археологические коллекции. Привезённые материалы позволили российскому правительству ознакомиться с политической обстановкой, сложившейся в Восточном Иране, Герате и Афганистане, и дали возможность выработать политическую линию по отношению к этим государствам.

Ханыков, вскоре после окончания экспедиции, переехал во Францию, где и прожил всю жизнь вплоть до своей кончины в 1878 году.

В феврале 1858 года, в укрепление Верное прибыл поручик российской армии Чокан Чингисович Валиханов. Ему поручалось важнейшая миссия – отправиться в китайскую Кашгарию, чтобы выяснить перспективы восстановления политико-экономических связей.

Сделаем паузу, чтобы поближе познакомиться с человеком, жизнь которого востоковед Н. И. Веселовский сравнил с «промелькнувшим метеором». Настолько она была яркой и до обидного короткой.

Будущий выдающийся учёный, историк, этнограф, фольклорист, просветитель, путешественник и разведчик Чокан Валиханов, родился в ноябре 1835 года в орде-зимовке Кунтимес у крепости Кушмурун Омской области. Правнук, принявшего русское подданство еще в 1740 году, Аблай хана – прямого потомка Чингисхана – при рождении получил имя Мухаммед-Канафия. Прозвище Чокан (Шокан), которым в детстве звала его мать, стало впоследствии его официальным именем. Отец Чокана, наместник Кушмурунского округа, султан Чингис Валиханов, определил 12-летнего сына на учебу в Сибирский кадетский корпус. Российское правительство было заинтересовано в привлечении на службу аристократов из коренного населения восточных окраин. Через шесть лет юноша вышел из корпуса европейски образованным человеком со знанием нескольких восточных и западных языков. Сразу по выпуску корнет Валиханов был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорда.

Чокан Валиханов, конец 1850гг.

В основные обязанности юного адъютанта входило составление и отправление писем от имени губернатора, а также исполнение функций историографа Западно-Сибирской области. Благодаря этому он получил неограниченный доступ в Омский архив и весьма преуспел в изучении истории, географии и экономики тюркоязычных стран.

Кроме работы в архиве, Валиханов совершает несколько путешествий: вместе с губернатором Гасфордом в Центральный Казахстан, Семиречье и Тарбагатай и с экспедицией полковника М. И. Хоментовского на озеро Иссык-Куль. В августе 1856 года в качестве официального представителя русского правительства командирован в Западный Китай, город Кульджу, для улаживания инцидента «сожжения в Чугучаке буйною китайскою чернью нашей фактории и расхищения в оной как товаров наших купцов, так и казенной собственности». Из дневника Валиханова можно узнать, что во время пребывания в Кульдже он, то развлекался, как мог, попутно изучая жизнь китайского города, то скучал на заседаниях, мучился зубной болью, бродил по базарам, заигрывал с женщинами и усердно собирал информацию. Информацию обо всем, что могло заинтересовать военных и дипломатов Российской империи. Чего стоят только составленные им карты, вклеенные в его дневник. Ещё в детстве у Чокана проявился талант к рисованию, который весьма пригодился в его дальнейшей деятельности. Итогом этого путешествия стала рукопись: «„Хой-юань-чэн и Си-юй“. Западный край Китайской империи и город Кульджа». Это было великолепное описание Илийской провинции, людей и нравов города Кульджа, написанное прекрасным русским языком.

В том же 1856 году, по ходатайству Гасфорда, Валиханову был досрочно присвоен чин поручика. К тому времени Чокан был уже действительным членом Русского географического общества, куда был принят по ходатайству вице-президента общества П. П. Семёнова.

Несомненное влияние на Валиханова в то время оказали два человека. Уже упомянутый знаменитый путешественник Пётр Петрович Семёнов (будущий Тянь-Шанский), и великий русский писатель Ф. М. Достоевский, с которым Чокан познакомился и близко сошёлся в Омске, когда Фёдор Михайлович был освобождён из острога. Позднее они встретились в Семипалатинске, куда Достоевский был сослан рядовым в Седьмой линейный батальон.

В июне 1858 года Чокан Валиханов отправляется с караваном семипалатинского купца Мусабая Тохтубаева в «уйгурские земли». События, подтолкнувшие российское правительство отправить в Кашгар молодого офицера, были следующие. В Западном Китае в 1857 году разразилось восстание мусульманских ходжей против маньчжуров. В результате власть в Кашгаре захватил Валихан-тюря, оказавшийся жестоким тираном. Когда его отряды ворвались в Кашгар, он приказал разграбить лавки, принадлежавшие китайским торговцам, а на берегу реки Кызыл возвел целую пирамиду из отрубленных голов. Жертвой кровавого деспота стал и немецкий путешественник, агент Ост-Индской компании Адольф Шлагинтвейт, которому по приказу Валихана отрубили голову у крепостной стены.

Русское правительство, не имевшее постоянной связи с этим регионом, весьма интересовалось местной обстановкой и поручило Е. П. Ковалевскому подготовить записку со своими соображениями по этому вопросу. В записке, директор Азиатского департамента, отметив важное географическое положение Кашгара, предлагал, под предлогом помощи «законным претендентам» на власть в Западном Китае, вести более активную политику. После обсуждения записки в Министерстве иностранных дел и Военном министерстве было принято решение послать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений.

После этого Ковалевский пишет письмо генералу Г. Х. Гасфорду, в котором просит помочь найти подходящего человека для отправки в Восточный Туркестан, и вскоре получает ответ: «в выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручике Валиханове. Офицер этот – сын достойнейшего киргизского султана Чингиза Валиханова, с очень хорошими дарованиями, и на расторопность его вполне можно положиться. Сверх того, он хорошо ознакомился с историей и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев».

В выборе именно Валиханова, на столь ответственную миссию большую роль сыграл и П. П. Семёнов. В своих мемуарах выдающийся путешественник, впоследствии писал: «Сам собой разумеется, что я почёл долгом обратиться на этого молодого талантливого человека особое внимание генерала Гасфорда и по возвращении моём в Тянь-Шань подал мысль о командировании Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом».

Все эти события и привели к тому, что июньским утром 1858 года из Семипалатинска в Кашгар отправился торговый караван, в котором находился купец Алимбай Абдиллабаев. Под этим именем скрывался поручик российской армии Чокан Валиханов. Что ждало разведчика «под прикрытием» в далёкой, неизведанной и опасной стране, не знал никто.

Осенью 1858 года, миновав Заукинское ущелье и озеро Иссык-Куль, караван с русским разведчиком достиг границ Синьцзяна. Путь был нелёгким. При переходе через заснеженные хребты пала большая часть верблюдов, из сотни голов осталось лишь тридцать шесть. Несколько раз пришлось отбиваться от разбойников, грабивших караваны на торговом пути. Об одном таком нападении можно прочесть в дневнике Валиханова: «Кокандцы напали на караванные стада и отбили 300 баранов. Кашгарцы вступили в драку, вооружившись кольями от своих шатров, и очень скоро обратили в бегство кокандцев».

Не доезжая до Кашгара, дневник, завёрнутый в коленкор и спрятанный в деревянный футляр, пришлось закопать. «Тороплюсь, – записывает Валиханов, – дневник сейчас зарывается в землю, если бог возвратит нас живыми и здоровыми, не испортит сырость, опять покажем белому свету. Поручаю тебя Аллаху, до свиданья».

1 октября караван достиг Кашгара. Чокан, конечно был знаком с книгой Марко Поло «О разнообразии мира» и помнил слова первого европейца, посетившего один из самых знаменитых городов Востока. Восхищённый итальянец писал: «Народ здешний-мусульмане. Городов, городков тут много. Каскар— самый большой и самый знатный. Страна тянется на северо-восток и восток, народ тут торговый и ремесленный, прекрасные у них сады, виноградники и славные земли. Хлопку тут родится изрядно. Много купцов идут отсюда торговать по всему свету. Живут тут несториане (*одна из ветвей христианства, В.Ф.*), у них свои церкви и свой закон. Народ здешний говорит особенным языком. Эта область тянется на пять дней пути».

Несмотря на абсолютную секретность операции, утечка всё же произошла. До Кашгара дошли слухи о приезде переодетого русского офицера и пограничные власти с особым тщанием проверяли все прибывающие караваны. Валиханов, прошёл проверку, и чтобы в дальнейшем не привлекать к себе внимание, вёл себя как настоящий купец: заключал торговые сделки, приобретал товары и даже... женился. Речь, конечно, не идёт о выборе спутницы всей жизни. Нет, это был так называемый временный брак – весьма распространённое явление на Востоке. Особенно среди купеческого люда, на долгие месяцы отрезанного от дома. Позже Валиханов писал об этом так: «Условие этих браков немногосложно: от мужа требуется одевать и кормить свою жену. В Хотане для того чтобы приобрести жену, нужно сделать расходы на 1 руб. 50 коп. серебром на наши деньги. В Яркенде есть особый базар, где можно встретить женщин, ищущих замужества, и заключить условие; в Аксу и Турфане женитьба стоит дороже. Вследствие этого обычая, хотя представлена женщинам полная свобода выбора и чувств, но по отсутствию образований и понятий о чести проистекает неуважение к брачному союзу, и женщины в Восточном Туркестане не отличаются особенной чистотой нравственности».

Полностью растворившись в купеческой среде, «Алимбай», тем не менее, не забывает о цели своей миссии. «Что касается до моих действий, – писал он позднее, – то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно более точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого; сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой ученых ахундов... Имея постоянные и короткие сношения с кокандцами, я получил много данных о состоянии этого ханства и особенно о последних событиях, имевших последствием падение хана Худояра»

Полгода провёл Валиханов в Кашгарии, находясь в постоянном напряжении, поскольку любой неверный шаг привёл бы к тому, что твоя голова присоединится к пирамиде из других отрубленных голов. И миссию свою русский разведчик выполнил весьма успешно, представив в отчёте ценные военно-политические сведения и массу географического, исторического и этнографического материала. Первый план Кашгара, исполненный по европейскому образцу, был составлен именно Валихановым. Кроме того, он выяснил, что случилось с Адольфом Шлагинтвейном, о чём долгое время в Европе не знали.

Миссия Валиханова явилась первым в России случаем посылки офицера-мусульманина под агентурным прикрытием в политически нестабильный и совершенно неисследованный район Средней Азии. Поездка Адольфа Шлагинтвейна по заданию Ост-Индийской компании и казнённого в Кашгаре в 1857 года и тайная миссия Валиханова в 1858 году знаменовали открытие нового направления англо-русского соперничества в Средней Азии – борьбу за доминирование в Восточном Туркестане, борьбу, которая не прекращалась до самых последних дней российской империи.

11 марта 1859 года Валиханов отправляется в обратный путь и через 4 месяца, миновав Верный, прибывает в Семипалатинск. «Судя по отчёту, сделанному Валихановым о Кашгарии, о нём можно судить как о гениальном человеке своего времени», – так оценил материалы, представленные разведчиком, директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский. И это отнюдь не преувеличение. По кусочкам, по обрывкам разговоров, по воспоминаниям, по семейным преданиям, русский разведчик нарисовал широчайшую картину жизни Кашгара. При том, что, собирая и сопоставляя клочки сведений, он не везде и не всегда мог вести подробные записи. Огромную часть материалов он хранил в памяти.

Географический обзор, исторический и этнографический очерки, политическое состояние края, промышленность и торговля – и всё это о крае, про который до поездки Валиханова европейской науке практически ничего не было известно. С научной скрупулезностью описал он систему управления Кашгаром, зная, насколько мало изучены европейскими учеными формы восточного городского правления. Эти его сведения очень широко использовались впоследствии.

Поездка, продолжавшаяся в общей сложности полтора года, не прошла для молодого офицера даром. В изнурительном труде и скитаниях он подорвал своё здоровье и заболел тяжёлой формой туберкулёза. В начале 1860 года, по приказу военного министра Н. О. Сухозана, Валиханова вызывают в Петербург. Там его встречают с почестями, как героя. По личному распоряжению императора он награждается орденом св. Владимира, повышается в чине до штабс-ротмистра и определяется в Главный штаб, где в его обязанности входит составление и редактирование карт Средней Азии и Восточного Туркестана. По ходатайству министра иностранных дел А. М. Горчакова, он высочайшим повелением был назначен ещё и в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

4 мая 1860 года на заседании Русского географического общества Чокан Валиханов делает доклад о Кашгарии, выслушанный с огромным вниманием, и чрезвычайно высоко оценённый научной общественностью.

Жизнь в столице, продолжавшаяся чуть более года, была для Валиханова весьма насыщенной. В это время он проявляет себя как выдающийся учёный – востоковед, первым в мире вводя в научный оборот кашгарские рукописи «Тазкира-йи-Богра хан» и «Тазкира-йиходжаган». Кроме того, Чокан общается с интеллектуальной элитой того времени – дипломатами, публицистами, учеными, встречается с Достоевским, поэтами Майковым и Полонским. Общение с этими яркими личностями, безусловно, повлияло на мировоззрение Чокана. Валиханов был, как сейчас сказали бы, сторонником либеральных ценностей, одновременно оставаясь патриотом России. Тогда, в отличие от сегодняшних реалий, это было возможно. В мае 1861 года Валиханов покидает Петербург – климат был не подходящим для его болезни – и возвращается на родину, где вновь работает у генерал-губернатора и продолжает научную деятельность. Он пишет несколько работ, среди них «Записка о судебной реформе» и «О мусульманах в Степи». В последней, Чокан Валиханов, провидчески очень точно определил опасность радикализации ислама в Центральной Азии. К самому исламу Валиханов, сам будучи мусульманином, относился довольно критически, видя в нем опасный потенциал, который при определенных условиях может оказаться взрывоопасным. Что мы и видим сегодня.

В 1864 году штаб-ротмистр Валиханов участвовал в походе М. Г. Черняева против Кокандского ханства в должности переводчика при главном командовании. Однако туберкулёз прогрессирует и зимой 1865 года он уезжает к родственникам в далекий аул в горах Алтын-Эмея. Там он женится на Айсары, двоюродной сестре султана Тезека. Семейное счастье было недолгим, болезнь оказалась сильнее. В прощальном письме к отцу Чокан пишет: «Устал, нет никакой силы, весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет моё последнее письмо. Прощайте, обнимаю». В апреле 1865 года Чокана Валиханова не стало.

«Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. За неполных тридцать лет он сделал то, что другие не смогли сделать за всю свою жизнь». Так писал о Валиханове выдающийся русский востоковед академик Н. И. Веселовский.

В 1867 году, генерал-губернатор недавно образованного Туркестанского генерал-губернаторства Константин Петрович фон Кауфман выделил деньги из казны на строительство мавзолея на могиле Валиханова. Военный губернатор Семиречья Герасим Алексеевич Колпаковский, который был другом Валиханова, заказал в Екатеринбурге плиту и при содействии архитектора Павла Матвеевича Зенкова памятник был сооружён. Кауфман лично контролировал постройку монумента и составил текст надписи на могильной плите. «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году. По желанию Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана I, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881 году»

С надгробием на могиле связана одна мистическая история. В 1917 году некто захотел сделать из неё жернова для ручной мельницы. Он отбил по периметру большие куски, сбил углы и пытался зубилом и молотком разрубить её на две части, чтобы легче было тащить. Отскочивший кусочек мрамора попал вандалу в глаз, и вскоре тот скончался от воспаления роговой оболочки.

Имя славного сына России и Казахстана не забыто. Памятники ему, кроме упомянутого уже семипалатинского, стоят в Алма-Ате, Павлодаре и Омске.

И завершая рассказ о трёх экспедициях 1858 года, скажу, что именно после их завершения и заключения Игнатьевым Пекинского договора, империя стала стремительно подчинять себе погрязшую в междоусобице Среднюю Азию. Реальных сил, чтобы противостоять в этом России не нашлось. Китай был недееспособен, а Британия могла лишь бессильно наблюдать из-за гор приближение соперника к её границам.

Русский военный историк Антон Керсновский в своем четырехтомном труде «История Русской армии» писал по этому поводу: «Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, приближавших нас к Индии. Враждебное к нам отношение Англии со времени Восточной войны и особенно с 1863 года (*здесь имеется в виду польское восстание 1863г., В.Ф.*) определило всю русскую политику в Средней Азии. Наше продвижение с киргизских степей к афганским ущельям являлось замечательным орудием политического давления – орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II». Далее, он пишет: «Прежде мы считали продвижение на юг делом внутренней политики и задачу видели в обеспечении степных границ. Теперь же наша среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер. Раньше в глубь материка нас тянул лишь тяжелый рок. Теперь же обращенным на юг взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана... Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров!»

Противостояние двух империй, таким образом, выходило на новый виток.

Глава девятая. Труба зовёт в поход

К середине 19 века, главные среднеазиатские государства, по-прежнему были погружены во взаимные распри. В сентябре 1859 года эмир Афганистана Дост Мухаммад, выступил против Кундузского и Мейменского ханств, расположенных на левом берегу Аму-Дарьи. Одновременно из Кабула в Бухару были отправлены послы для установления дружественных отношений. Однако, дружественным, назвать это посольство, можно было лишь с большой натяжкой. Почти в ультимативной форме оно потребовало от бухарского правителя передачи Афганистану таких городов как Карши, Каракуль и Чарджуй (Чарджоу). О посольстве стало известно в Оренбурге и генерал – губернатор А. А. Катенин, тут же заподозрил в этом происки англичан. Возможно какие-то основания для подобных подозрений у него и были. Британские власти ещё со времён посещения Бухары Александром Бернсом, задумывались над использованием Аму-Дарьи для проникновения в Среднюю Азию.

Города на бухарском берегу Аму-Дарьи, Чарджуй и Каракуль, занимали очень выгодное стратегическое положение и, владея ими, можно было добиться господствующего положения в регионе. Катенин пишет в Петербург: «Эмир такими требованиями поставлен в самое затруднительное положение, не знает, что ответить послам... Можно предполагать, что англичане решились образовать в Средней Азии сильное государство».

Но несмотря на то, что афганские войска уже вышли к берегам Аму-Дарьи, несмотря на угрозы и посулы, раздаваемые афганскими послами, эмир Бухары Насрулла, ответил отказом.

Дост Мухаммад, неудовлетворённый этим ответом, отправляет новую миссию с ещё более жёсткими требованиями: фактически передать под афганский контроль Шахризьябское бекство, выделив его из состава эмирата, а заодно и город Керки.

Разъярённый Насрулла-хан отправляет против афганцев 12-тысячную армию. Весной 1860 года бухарское войско форсировало Аму-Дарью у города Керки, однако до крупных столкновений дело не дошло. В армии начался разброд и разложение. К тому же в это же время обострились отношения между Бухарой и Кокандом, и Насрулла-хан вынужден был отозвать войска. Кундуз перешёл под власть Кабула. Ослабевший, теснимый с двух сторон, эмир Бухары не смог поддержать мелкие бекства на левом берегу Аму-Дарьи и значительные территории, населённые узбеками, таджиками и туркменами отошли к Афганистану.

Примерно в это же время в Коканд прибывает британский агент Абдул Маджид, в задачу которого входило установление контакта с правящим там Малла-ханом. Агент должен был передать тому подарки и письмо с предложением установить дружеские отношения с Британской Индией.

Кокандское ханство, как и Бухара, входила в зону пристального внимания Англии.

Британская разведка того времени представляла собой хорошо налаженную систему непрерывного сбора информации военно-политического и географического характера в Афганистане, Памире и Восточном Туркестане, как силами тайно работающих офицеров, так и так называемых пандитов. Пандиты вербовались из числа местного населения и получали специальную подготовку по геодезии, топографии, а также обучались искусству маскировки и использованию легенд прикрытия. В романе Киплинга «Ким» хорошо описано такое обучение. Пандиты имели большие преимущества по сравнению с европейцами. Зная местные языки и обычаи, они более свободно растворялись в местной среде. Как система подготовки разведчиков и топографов из числа местного населения —она была основана майором Монтгомери в 1863 году. Но и до этого британцы использовали местных жителей в разведывательных целях. Так, в 1848 году некто Алладат, был отправлен с секретной миссией в среднеазиатские ханства. Основной целью английского эmissара было склонение их правителей к антирусской

политике. Алладад сумел посетить Бухару и Коканд, но на обратном пути в Бадахшане (независимое государство на Памире), был опознан как английский шпион и казнён.

Получив информацию о миссии Абдул Маджида в Коканд, Петербург поручает оренбургскому генерал—губернатору А. П. Безаку, сменившему скончавшегося А. А. Катенина, внимательно отслеживать действия Британии в Средней Азии, поскольку Малла-хан, после потери Ак-Мечети, пребывал в тревоге, и стремился получить английскую военную помощь. Британия, однако, хоть и была заинтересована в усилении Коканда, действовала в этом направлении весьма осторожно.

Майор Х. Б. Эдвардс, проводивший переговоры с кокандским посольством, прибывшим в Пешавар в 1854 году, писал: «Я считаю, что в наших интересах представить Коканду любую поддержку, которая может спасти его от участи стать русской провинцией (в противном случае эта участь ожидает его в самом скором времени), имея ввиду, однако, чтобы эта поддержка была пропорциональна цели и не была бы рассчитана на то, чтобы вовлечь нас в военные операции вдали от наших владений».

Несмотря на нежелание англичан оказать прямую военную поддержку, Коканд активно готовится к военным действиям против России. Информация об этом непрерывно поступает в Оренбург. О том же сообщает и генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд. По его сведениям, кокандские чиновники объезжая казахские и киргизские поселения отбирают для нужд армии лошадей и скот. Укреплялись Пишпек, Мерке, Аулие-Ата и другие аванпосты ханства, а в Ташкенте сосредотачивались крупные военные силы.

Но и Россия готовилась к дальнейшей экспансии. 24-го января 1859 года в Петербурге состоялось заседание Особого совещания, на котором присутствовали высшие государственные деятели. На нём было одобрено предложение Гасфорда о занятии Пишпека в качестве «опорного пункта для будущих границ». «В предложениях для войны не могло быть недостатка: мы были на протяжении нескольких тысяч вёрст в столкновениях с кочевыми племенами, которые тревожили нас своими набегами», писал впоследствии сменивший Гасфорда Дюгамель. Однако, для этой акции необходимы были точные сведения о местности, для чего решено было отправить разведывательные отряды в район Пишпека и к озеру Иссык-Куль.

Весной 1859 года отряд под командованием старшего адъютанта штаба Сибирского корпуса штабс-капитана Михаила Ивановича Венюкова и войскового старшины Шайтанова направляется на рекогносцировку «правого берега реки Чу, против Пишпека и местности на 100 – 200 вёрст далее вниз по реке». Венюкову предписывалось хранить в строгой тайне главную цель экспедиции – подготовку взятия Пишпека.

12 мая 1859 года отряд, состоявший из 2-х рот пехоты, одной сотни казаков, взвода горной артиллерии, двух ракетных станков и сотни джигитов, выступил из Верного.

Через пять дней отряд подошёл к подъёму на перевал Кастек, где было начато строительство укрепления. В конце мая Венюков, оставив в Кастеке под командованием Шайтанова часть людей для возведения укрепления, с остальным отрядом, через перевал Беш-Майнак, преодолел хребет и спустился к реке Чу.

Надо сказать, продвижение отряда Венюкова не осталось незамеченным. Навстречу ему выступили кокандцы. Однако вступить в бой не рискнули и издали наблюдали за его действиями. Видя нерешительность

Фото Венюкова из книги В. А. Есакова» противника, Венюков предлагает напасть на Токмак и Михаил Иванович Венюков». М., Наука, 2002 разрушить его, но, не получив на это разрешения нача-

льника Алатавского округа подполковника Колпаковского, отправляется дальше. 10 июня отряд подошёл к Пишпеку, где остановился на временную стоянку. Комендант крепости Атабек попытался поднять окрестных киргизов против русского отряда, однако в этом не преуспел.

Поход Венюкова был достаточно успешен. Его отряд в течение мая-июня 1859 года прошёл свыше 600 вёрст. Было основано укрепление Кастек, проведены съёмки местности, сняты планы кокандских укреплений и собраны обширные материалы о бассейне реки Чу. Потерь, при этом, удалось избежать, поскольку боевых столкновений не было.

Впоследствии М. И. Венюков станет известным военным исследователем. Им написан целый ряд работ по географии, этнографии и истории Туркестана и Семиречья. За многие годы работы в Туркестане он настолько полюбил этот край, что пожертвовал Русскому географиче-

скому обществу немалый капитал, проценты с которого предназначались на премии за работы по изучению Туркестана.

Тем временем Малла-хан, встревоженный вестями из Пишпека, отправляет в Чуйскую долину войска – пятитысячный отряд под командованием Рустем-бека. Задачей отряда было, разрушив Кастек, идти дальше на укрепление Верное. Получив информацию об этом, командующий войсками в Заилийском крае полковник А. Э. Циммерман выступил с отрядом из Верного и 8 июля прибыл в Кастек. Этой же ночью кокандцы атаковали русское укрепление. Атака была отбита, и с рассветом русские войска выступили навстречу противнику. После короткого боя на реке Джирин-Айгыр враг был разгромлен.

Успех под Кастеком сподвиг Циммермана к дальнейшим активным действиям. С отрядом пехоты и конницы в 1750 человек при 15 орудиях он 23 августа вышел из Кастека, перешёл реку Чу и двинулся на Токмак. После артобстрела, продолжавшегося чуть более часа, крепость сдалась. После этого гарнизон был отпущен со всем имуществом, а крепость разрушена. 29 августа к Циммерману присоединился отряд подполковника Колпаковского с казачьей сотней и 150-ю джигитами казахского султана старшего жуза Тезека. Объединённый отряд выступил из разрушенного Токмака и на другой день подошёл к Пишпеку. Циммерман предложил гарнизону сдаться. После отказа началась осада и на пятый день крепость пала.

Во время боёв за Пишпек произошёл удивительный А. Э. Циммерман. Рис. П. Ф. Борель, Случай. Выстрелами артиллерийской батареи под *гравюра, И. Матюшина*

командованием штабс-капитана Обуха, неприятельские пушки, расположенные на одной из пишпекских башен, были сбиты, а одно ядро попало прямо в канал крепостного орудия и застряло в нём.

Через несколько дней после победы началось разрушение крепости. Солдатам помогало свыше 600 ликующих киргизов, сбегавшихся со всех окрестных аулов. Стены срывали, постройки взрывали, сжигали, крушили так, будто хотели втоптать в землю саму память о крепости.

Успешные действия Циммермана послужили образцом для всех последующих осад кокандских крепостей. Сам Аполлон Эрнестович за эти заслуги был произведён в генерал-майоры.

В 1862 году Колпаковский вновь овладел Пишпекком. На этот раз там был оставлен русский гарнизон. Вторичное взятие кокандской крепости стало важным шагом на пути соединения Сибирской и Сырдарьинской укрепленных линий, о чём задумывались ещё с 1854 года. Со взятием Пишпека открывалась возможность беспрепятственного движения на Аулие-Ата.

Вопрос о соединении линий 23 февраля 1863 года обсуждался на заседании Особого комитета, где было принято решение назначить действия по этой операции на 1864 год.

В плане, утверждённом Александром II, предусматривалось, что с весны 1864 года войска Оренбургского корпуса начнут наступление вдоль реки Сырдарьи, а отряды Сибирского корпуса овладеют городом Аулие-Ата. Таким образом, к концу 1863 года в результате активных действий русских войск со стороны Семиречья, проведения разведывательных рекогносцировок, строительства дорог, постов и укреплений была завершена подготовка к активной фазе завоевания Средней Азии. Завоевания, которое началось с овладения Ташкентом.

Глава десятая. Победный марш Черняева

Весной 1864 года навстречу друг другу одновременно вышли два военных отряда. Из Верного на запад, вдоль Александровского хребта, выступил отряд полковника Михаила Черняева, состоящий из 1500 бойцов при 4-х орудиях, из Перовска, вверх по Сырдарье, двинулся полковник Николай Веревкин, в его отряде было 1200 человек и 10 орудий. И это была уже обновленная русская армия. С 1861 года в России проводилась кардинальная военная реформа под руководством нового военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, принадлежавшего к числу наиболее просвещённых сторонников преобразований Александра II.

Результаты реформы впечатляли: были созданы военные округа, началось перевооружение армии, была введена всеобщая воинская повинность и система призыва резервистов, изменена система боевой подготовки солдат. Срок воинской службы сократился с 25 до 16 лет, начато обучение рядовых грамоте и ликвидирован существовавший порядок физического наказания нижних чинов.

М. Г. Черняев. Фотография А. И. Денъераи Н. А. Верёвкин. Рисунок П. Ф. Борель. Из журнала

«Всемирная иллюстрация»

Воины Черняева и Верёвкина, кроме того, были опытны и великолепно подготовлены. В состав отряда Черняева входили не только военные. По ходатайству Русского географического общества к военной экспедиции присоединился исследователь Н. А. Северцов. Кроме того, участие в походе принял и горный инженер А. А. Фрезе и художник М. С. Знаменский. На последнего была возложена обязанность зарисовывать «планы и виды» местностей и укреплений, занятых русскими войсками. И, как уже говорилось выше, при командующем в качестве переводчика состоял штабс-капитан Чокан Валиханов. 4 июня, миновав Пишпек, Черняев штурмом овладел крепостью Аулие-Ата.

Отношение русских к жителям павшей крепости ярко характеризует в своих воспоминаниях участник похода Гилярий Сярковский, командовавший передовым ударным отрядом: «Все наши потери при штурме ограничились двумя стрелками нашей роты. Потеря же кокандцев весьма значительна: отрядные врачи Мациевский и Левицкий несколько дней делали пере-

вязки раненым. К сожалению, в числе последних были женщины, и дети... Раненым женщинам и детям офицеры давали чай, сахар; с пленными наши солдаты делились последним сухарём. Аулиеатинцы сразу оценили гуманное с ними обращение; солдат иначе не называли, как „тамыр“ (приятель). Часто можно было видеть на базаре солдата, пьющего со своим тамыром-сартот чай из одного кунгана. Лавки на базаре были все открыты на другой день после взятия Аулие-Ата, а лепёшки, жаренные пирожки и вкусные, приготовленные на пару пельмени сарты продавали нам по невероятно дешёвой цене вечером сразу же после штурма».

В июле отряд Черняева подошел к Чимкенту. Здесь его встретило 25-тысячное кокандское войско. Отбив нападение русские войска, тем не менее, вынуждены были отступить. Впрочем, отошли и кокандцы. В это же время отряд Веревкина взял крепость Туркестан.

За эти победы оба полковника были произведены в генералы. Объединившись, два отряда под командованием Черняева направились к Чимкенту.

Не успели русские отряды подойти к расположенному недалеко от Чимкента городку Манкенту, как навстречу им вышла делегация и объявила, что город сдаётся. Командующий авангардом М. Г. Лерхев ответ на это заявил, что в благодарность он даже не введёт в город войска. У ворот был поставлен караул, а следующим утром русский отряд походным строем прошёл через Манкент и направился дальше. За солдатами шли восторженные жители, угощая солдат арбузами.

А вот штурм Чимкента, из-за отказа коменданта крепости капитулировать, оказался кровавым. Но, как пишет Сярковский: «Черняев своим благородством, деятельностью и заботой о жителях способствовал забвению жестокостей штурма».

Окрылённый успехом, новоиспечённый генерал, с отрядом в 1550 человек при 12 орудиях, двинулся к Ташкенту.

Ташкент был в то время крупнейшим городом Центральной Азии. Здесь проживало около 100 000 человек. Окружённый крепостными стенами, весь в садах и виноградниках он славился своим богатством и процветанием жителей. До 1808 года Ташкент был независимым государством, но затем оказался под властью Коканда.

Издавна между Ташкентом и Россией существовали экономические связи. Богатые торговые семейства города были бы не прочь сменить кокандское правление, с его непомерными налогами и перейти под власть России.

В планы российского командования, однако, не входило взятие Ташкента на этом этапе. Однако, Черняев, руководствуясь девизом «победителей не судят», надеясь на свою военную фортуна и «пятую колонну» в городе, 1 октября подошёл к Ташкенту со стороны Юнусабада и стал лагерем в местности Ак-Курган. Гарнизон крепости, завидев противника, занял оборону, а в Коканд был отправлен гонец с сообщением о подходе русского отряда. Кокандский правитель Султан Сейид-Хан объявил священную войну, «газават», и приказал призвать к оружию всех мужчин от 7 до 70-летнего возраста. Тем временем между ташкентским гарнизоном и отрядом Черняева началась перестрелка. Ставший к тому времени полковником, знакомый нам по меткому выстрелу В. В. Обух добился от Черняева разрешения на штурм ворот. После артиллерийской подготовки две роты Обуха бросились в атаку, но были встречены шквальным огнём защитников гарнизона. Штурм захлебнулся и Черняеву, огнём из всех 12 орудий, пришлось прикрыть отход штурмового отряда. При этом 18 человек погибло, 60 было ранено, двое офицеров смертельно – полковник Обух и подпоручик Рейхард.

После этой неудачи Черняев отступил к урочищу Минг-Урюк и разбил лагерь близ саларского моста на Куйлюкской дороге.

Вскоре стало известно, что к Ташкенту двигаются войска во главе с самим муллой Алимкулом, регентом при малолетнем хане Султан-Сейиде. Не подготовленному к зимней военной кампании отряду Черняеву пришлось вернуться в Чимкент.

Неудача первого похода на Ташкент произвела разное впечатление на жителей города. Если кокандская группировка восприняла неудачу Черняева с нескрываемой радостью, то многие другие восприняли её по-другому. По свидетельству современника тех событий, летописца Мухаммеда Салиха Кори Ташкенди, после отступления русского военного отряда, около 3000 ташкентцев бежали из города в занятые русскими города – Туркестан, Чимкент, Сайрам и Аулие-Ату.

Кто были эти люди? Вот, что пишет о них Мухаммед Салих: это ташкентцы, «деды и потомки которых никогда не состояли и не состоят на государственной и султанской службе», «любящие имущество – зажиточные купцы, торговцы, лавочники», «люди базара», а также «множество и большинство потомственных ташкентцев, известных людей вилойята – таких, как Садык Магзум ибн Ишан Вали из Кукчи, Магзум Хаким ибн Мулла Атаулла из Шейхан-таура и прочие».

25 ноября 1864 года к Ташкенту подошли кокандские войска, где их торжественно встретили городская знать и духовенство. Во время церемонии встречи Алимкул объявил присутствующим о том, что бывший кашгарский владыка Валихан-Тура тоже присоединяется к газавату.

Через неделю в городе «услышали барабан, бьющий сбор на газават, – записал Мухаммед Салих, и войска, во главе с Алимкул-ханом, двинулись в поход на Чимкент. Скрытно подойти кокандцам не удалось. 4 декабря комендант Туркестана полковник Жемчужников, получив сведения, что в степи бродят какие-то разбойники, выслал на разведку отряд уральских казаков есаула Василия Серова. Казаки, численностью в 110 человек были вооружены всего одной пушкой – думали, речь идёт о небольшой шайке. По дороге Серов узнал, что в селении Икан, расположенном в 25 километрах от Туркестана, находятся вооружённые люди. Он и предположить не мог, что это главные силы кокандского войска.

Наткнувшись на многочисленного врага, казаки успели только занять сухой овраг, развьючить верблюдов и создать подобие баррикады из мешков с продовольствием. Оказавшись в окружении, – а это были опытейшие бойцы, участвовавшие в обороне Севастополя, – казаки трое суток сдерживали непрерывные атаки многократно превосходившего их в численности противника. В голой степи, в лютый холод, под непрерывным огнём артиллерии уральцы стояли насмерть, дорожа каждым патроном. Военный историк писал: «Стрельба продолжалась; однако, по внушению начальников и опытных казаков, люди берегли каждую пулю; только сохранив патроны, казаки были уверены, что удержат противника на почтительном расстоянии. Стреляли по отдельным смельчакам, которые иногда небольшими партиями подскакивали к отряду сажень на 100, и не один из них поплатился за попытку похвастаться удалью и отвагою пред своими товарищами; стреляли по орудийной прислуге, заставляя не раз менять места орудий; стреляли также по начальникам, насколько их можно было заметить по расшитым халатам, чалмам, богатым седельным уборам; напр., удалось подбить лошадь под самим Алимкулом. Огонь противника, особенно артиллерийский (а пушек у них было три), все более и более усиливался; из единорога же с нашей стороны, как для сбережения снарядов, так и по случаю порчи его – не стреляли. Так тянулся один час за другим в мучительном ожидании выручки».

А помощи всё не было. Выдвинулась было стрелковая рота подпоручика Сукорко, но пробиться не смогла и, не дойдя до казаков три километра, повернула назад. Хан Алимкул, пораженный упорством русских, предложил им сдаться, послав записку:

«Куда теперь уйдешь от меня? Отряд, высланный из Азрета, разбит и прогнан назад; из тысячи (!) твоих не останется ни одного, – сдайся и прими нашу веру: никого не обижу!».

Но предателей среди казаков не оказалось.

6 декабря отбив 4 атаки подряд, Серов, решается на прорыв. Вновь слово военному историку: «К часу дня все лошади были перебиты, 37 человек убито, много переранено; четыре

отчаянных попытки коканцев броситься в рукопашную были отбиты, а помощи все нет, хотя, если бы она вышла утром, дошла бы до сотни...

Храбрецы решаются на отчаянную попытку: пробиться к городу или же пасть в открытом бою – они все еще надеялись на помощь. Кроме того, нельзя было медлить – зимний день короток, а до города было верст 16-ть; пройти их надо было засветло, пока видно и пока можно сдерживать напор коканцев ружейным огнем. Коканцы были просто ошеломлены, когда горсть героев, заклепав оружие, переломав ненужные ружья, с криками «ура» выскочила из-за своих завалов; но они скоро увидели, что вместо сотен людей, которые они насчитывали у русских, на самом деле оказались лишь десятки... И с дикими криками ринулся противник за кучкой храбрецов. Сначала отступали тесной толпой, но потом увидели, что так неудобно, друг другу мешали стрелять и обороняться. Тогда сам собою образовался строй в виде лавы, но в три шеренги. Чем далее шли, тем более строй этот редел и растягивался в длину. Оди-ночные неприятельские латники и кольчужники врывались иногда в самую средину казаков, за что некоторые и платились головой; но другие, благодаря своим доспехам, усакивали, успев поранить несколько казаков. Менее решительные метали в казаков пики и копья, нанося таким способом случайный вред отступавшим. Так, когда казак П. Мизинов наклонился, чтобы под-нять упавший шомпол, брошенная пика насквозь пробила ему левое плечо, пригвоздив его к земле; однако он все-таки вскочил и добежал с нею до товарищей, которые и выдернули пику у него из плеча. И вот, когда кто-либо из этих героев, утомленных предыдущим боем, исте-кая кровью и лишаясь последних сил, падал на землю, как хищные звери, с неистовыми кри-ками отделялись из толпы конные всадники и бросались на свою беспомощную жертву – ведь с нею легко уже было справиться... всякий спешит отрезать голову, чтобы скорее представить начальству, как доказательство своей храбрости и удалства, достойных награды».

В этом бою погибло 53 человека, из оставшихся в живых не ранеными были только 11 человек. Такой кровавой ценой был остановлен поход кокандской армии. За подвиг под Иканом все казаки были награждены Георгиевскими крестами, а 4-й сотне 2-го Уральского казачьего полка были присвоены знаки отличия на головные уборы с надписью: «За дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года». Есаул Серов, впоследствии дослужившийся до гене-рал-лейтенанта, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в войсковые старшины.

Черняев был потрясен невероятным героизмом казаков. Сразу после этого события им была написана статья, опубликованная в январе 1865 года в газете «Русский инвалид», где он подробно описал подвиг уральцев.

После Иканского сражения Алимкул, вернулся со своим войском в Ташкент. Причина – наступившие холода и выпавший обильный снег. Кокандская армия была по преимуществу конной и кормить лошадей стало нечем. Но, думаю, и мужество уральских казаков сыграло не последнюю роль в решении Алимкула отступить.

Понимая, что Черняев не оставит попыток овладеть Ташкентом, Алимкул тем не менее, отдав распоряжение об укреплении крепости, вместе с войском возвращается в Коканд.

Всю зиму Черняев готовился к весеннему походу. Ему удалось вступить в переговоры с «прорусской партией» ташкентцев, во главе с одним из богатейших жителей города Мухам-медом Саат баем, много лет торговавшим с Россией. В конце 1864 года из Ташкента в Чимкент бежал ещё один влиятельный ташкентец – видный сановник Абдуррахман-бек, управлявший восточной частью города. Он дал подробную информацию о городских укреплениях.

Третьей влиятельной силой в Ташкенте было мусульманское духовенство, которое стре-милось передать Ташкент под власть Бухарского эмира, главе среднеазиатских мусульман. И эмир Бухары, воспользовавшись тем, что кокандский хан воюет с русскими, отправил войска в Ферганскую долину и Ташкент.

25 января 1865 года была создана Туркестанская область, под управлением военного губернатора с особыми полномочиями. Им стал генерал-майор Черняев, который сразу решил – никакой «границы» с Кокандом быть не может, потому что кокандцы всё равно будут постоянно её нарушать. Для Михаила Григорьевича всё было предельно ясно. На Ташкент.

Среди других городов Средней Азии этот город выделялся не только размером и числом жителей. Выделялся он и своим духом, который определяли торговые люди и ремесленники, составляющие значительную часть горожан. На протяжении веков Ташкент был лакомым куском для многочисленных завоевателей, переходя из рук в руки, много раз оказывался на краю гибели, но продолжал жить.

Первое русское посольство во главе с Д. Телятниковым прибыло в Ташкент в 1796 году. Проведя там год и собрав разнообразные сведения, Телятников вернулся в Россию вместе с двумя посланниками, известными и уважаемыми людьми Ташкента – Мулладжан-Ахун Магзумом и Ашур-Али Бахадурминг-баши. 17 декабря 1797 года послы передали в Азиатский департамент грамоту правителя Ташкента Юнуса-Ходжи, письмо и присланные Павлу I подарки. В письме содержалась неприкрытая просьба о принятии города под российский протекторат: «...если когда-нибудь со стороны Китайского государства по отношению к нам случится война и взаимное убийство, то чтобы славный и грозный его светлость великий Царь приказал нас принять под сень его покровительства, и просим, чтобы он повелел для полной нашей уверенности дать грамоту относительно помощи и милости...»

Тесные торговые связи с сильным и могущественным государством, которым являлась Россия, а также непрерывная смена власти – с 1840 по 1865 гг. Ташкент семь раз менял своего владельца – сопровождавшаяся казнями и грабежами населения, способствовали появлению в Ташкенте прорусской партии.

В начале 1865 года в Петербург прибыл представитель 50-ти высокопоставленных ташкентских горожан Тюряхан Зейбуханов. От их имени он обратился с просьбой о принятии города в состав России. Посланец заявил, что горожане устали от непрерывных войн и непосильных налогов, и не желают находиться ни под властью Коканда, ни под властью Бухары.

В российском Министерстве иностранных дел выслушали это с пониманием и в инструкции от 23 февраля 1865 года были даны следующие указания: «Если бы жители Ташкента, тяготясь непрерывными беспорядками, господствующими в Кокандском ханстве, вздумали отложиться, то необходимо содействовать этому тайными сношениями с влиятельными ташкентцами и, в случае действительного восстания, облегчить ему успех нанесением быстрого удара враждебному ему кокандскому владельцу. Само собой разумеется, что после подобного удара отряд должен возвратиться на линию, не вдаваясь в дальнейшее участие в этой междоусобной борьбе и не занимая Ташкента».

Как видим МИД во главе с князем Горчаковым, не желая обострять отношения с Британией, был против взятия Ташкента. Иначе думали в российском военном руководстве, мнение которого разделял и Александр II. В своих воспоминаниях военный министр Милютин пишет: «Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы. Бывают случаи, когда начальник должен брать под свою ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»

Другими словами, с одной стороны Петербург давал Черняеву строгие инструкции – никакой самостоятельности, а с другой, дав особые полномочия генерал-губернатора Туркестанской области и назначив его командующим 15-тысячной армией, как бы намекал ему – можете действовать по обстоятельствам.

Из Ташкента тем временем поступали сведения, что Мулла Алимкул, вернувшийся в Ташкент готовился к отражению нападения. Кроме того, его шпионы выискивали людей, сочувствующих русским, которых затем казнили, а их дома разрушались. О том, что творилось тогда в Ташкенте, свидетельствует уже упоминаемый нами летописец Мухаммед Селих Кори Ташкенди. Вот, что пишет он о казни человека, заподозренного в «измене»: «Тотчас же связали Ниязу Алибию руки и ноги и расстреляли его из пушки так, что тело кусками упало на землю. Каждую часть тела убитого расстреливали с криками, что он опозорил всю Дешт-и-Кипчак, что он продался русским. Сыновья же Нияза Алибия, все 11, стояли тут же, и они после этой казни сразу бежали к русским».

Тем временем наступил апрель и, как писал Мухаммед Салих: «В месяц зульхиджа в 1281 г. х. генерал Ширинов (Черняев) со всем войском явился на городскую базарную площадь Чимкента и через джарчи (глашатая) заявил: «Все, кто имел торговые дела с этими солдатами, татарами, казаками, киргизами и прочими, пусть откликнутся и сейчас пусть сделают по сделкам окончательный расчет, а потом я отправлюсь походом против Ташкента», и как отметил Мухаммед Салих, – «в течение одного дня обе стороны закончили свои торговые расчеты друг с другом по справедливости».

27 апреля 1865 года отряд Черняева, численностью около 2000 человек при 12 орудиях, вышел из Чимкента и через два дня подошел к крепости Ниязбек. Комендант, успевший оповестить Ташкент о подходе русских войск, на предложение сдать крепость без боя – отказался. Черняев осадив крепость, начал артиллерийский обстрел. Через некоторое время к Ниязбеку подошёл кокандский военный отряд, численностью до 3000 человек. Перестроившись, Черняев атаковал противника, разбил и обратил в бегство. Увидев это, комендант крепости капитулировал и открыл ворота. Гарнизон был разоружён и отпущен на волю.

Затем, по свидетельству Мухаммеда Салиха: «Люди, сочувствующие русским, дали совет закрыть воду в ташкентские каналы». Приказав сделать это, Черняев через два дня двинулся дальше. Пройдя через селение Дурмень, отряд стал лагерем в низине Шор-тепа, обильно заросшей камышом. Жители, проживающие в этой местности, встретили Черняева весьма благожелательно. Один из них, Мулла Сафар из племени санычклы, даже явился к командующему с предложением стать проводником.

Тем временем, получив сообщение о подходе русских войск, Алимкул немедленно выступил с регулярной армией и 7 мая вступил в Ташкент.

Спустя два дня, рассветным утром, 7-тысячное кокандское войско выступило из города. Рассчитывая на внезапность, Алимкул двинул свою армию скрытно, предполагая окружить русский лагерь. Однако сил, для полного охвата русских позиций, было недостаточно. Пришлось размещать войска длинной дугой.

«При виде их со стороны русских ударила пушка, и отряд русской пехоты бросился вперед в атаку», – записал Мухаммед Салих. Алимкул приказал открыть огонь и двинуться на противника. Завязался бой. Участник сражения Г. Сялковский вспоминал впоследствии: «По команде: „Восьмая стрелковая рота в ружье!“, мы бросились вперед, добежали до мазара и наткнулись на многочисленных всадников, гарцевавших вокруг нашего лагеря; вдали виднелись густые массы конных ташкентцев, двигавшихся тихо, как будто в обход лагеря».

А вот как это увидел, участник тех событий, Мухаммед Салих: «Начался бой. От дыма стало темно. Вскоре бой перешел в рукопашный. Бились винтовками и топорами. Когда дым рассеялся, увидели: некоторые газии пошли по приглашению бога в рай, а многие без приглашения в ад пошли, так как бежали с поля боя. Началась конная атака русских. Тогда часть атакуемых верхом бросилась ко второй центральной батарее. Алимкул же велел Абдулла-беку скакать к первой батарее и сам поскакал за ним. Прискакали, но тут Алимкула ранило пулей в живот. Вызвав сюда все три батареи, Алимкул решил продолжать бой регулярными войсками, а бывших на линии газиев отпустил домой. В наступавших стреляли из всех 36 пушек, оче-

редями по 6 орудий. Алимкул оставался с войском, чтобы его удержать и, стоя в Дурменче, давал команды. Карнай протрубил сигнал общей атаки. Начался повсеместный рукопашный бой. Русские пошли в штыки».

Кокандцы дрогнули и стали отступать. Один из конных отрядов Черняева, бросился к Ташкенту и попытался на плечах противника ворваться в город со стороны Сибзарских ворот. Когда об этом узнали в городе, тотчас же кокандские ополченцы, захватив военное снаряжение, побежали из города и через реку Чирчик устремились в Коканд. Ташкентцы же в это время никакой поддержки кокандцам не оказали. В большинстве своём они оставались дома. Весть о гибели Алимкула стала причиной упадка духа кокандских воинов и массового дезертирства с поля боя.

В этом бою погибло около 300 кокандских воинов. У Черняева потерь не было.

В ночь на 10 мая командир кокандского гарнизона и с ним 200 человек также покинули город. Ташкент был для Коканда потерян навсегда, но и русским не стал. Черняев не решился штурмовать город.

Что же явилось причиной поражения под Ташкентом кокандского войска, – в которое кроме ферганского и андижанского ополчений входила и вся регулярная армия ханства, -имевшая к тому же трёхкратный численный перевес? Не отрицая наличия военно-технического превосходства русского отряда, думаем, всё же не это было решающим фактором.

Главной причиной военной катастрофы в Шор-тепинском сражении, стало отсутствие поддержки населения. Ни кочевые племена, ни большинство ташкентцев не откликнулись на призывы к газавату. Жители ташкентского бекства, по сути, отказали Алимкулу в поддержке, а без их помощи отстоять Ташкент кокандцы не смогли.

Между тем в самом Ташкенте наступило безвластие. Кокандцы ушли, но и Черняев не вошел в город. Разгромив армию Алимкула, русский отряд вновь отошёл к Шор-тепа, и оставался там до 17 мая, не предпринимая никаких решительных действий.

Почему же Черняев медлил и не воспользовался бегством кокандских войск, чтобы попытаться овладеть городом? Сам он позже объяснил это тем, что «не имел указаний из Петербурга», но, думаем, эта причина второстепенна. Скорее всего, он надеялся, что в Ташкенте верх возьмёт «прорусская» партия, ему откроют ворота и таким образом можно будет избежать лишних потерь. Вот, что писал Черняев в рапорте от 11 мая:

«Хотя в этот момент, может быть, и возможно было занятие города, но я не мог рисковать последним своим резервом, и, имея в виду, что, во всяком случае занятие это не могло бы стоить нам дешево, я, окончив преследование, возвратился в лагерь и решил остаться до времени на той же позиции с тем, чтобы вблизи Ташкента наблюдать за событиями в самом городе и, если возможно, воспользоваться первым же случаем его занять».

Ожидания Черняева на бескровное занятие Ташкента не оправдались. В городе победила «пробухарская» партия. Знатью и духовенством был избран новый правитель Ташкента – молодой Султан Сеид и послан гонец к эмиру Бухары с просьбой о покровительстве и защите. Таким образом промедление Черняева привело к тому, что военно-политическая ситуация в регионе изменилась.

В середине мая 1865 года в Ташкент прибыли посланцы эмира Бухары. Практически одновременно с бухарцами в городе появился и посланный Черняевым, местный житель Мухаммед Серкер Кашгари. Он донёс до горожан желание русского генерала встретить у себя представителей власти для переговоров о дальнейшей судьбе Ташкента. Однако события стали развиваться стремительно и не в том русле. Черняев, получив информацию о прибытии в Ташкент бухарских эмиссаров, 17 мая, оставив в лагере только охрану, направился в сторону дороги, ведущей в Бухару. Дойдя до селения Занги-Ота, Черняев выдвинул заставу- небольшой отряд с двумя пушками. Отсюда, из местности под названием Кувейт, начался методичный артиллерийский обстрел крепостных укреплений. Пушки, установленные на крепостных

башнях, открыли ответный огонь. В результате артиллерийской дуэли было подбито несколько пушек кокандских артиллеристов, но и на русской батарее были потери.

Между тем Черняев, стремясь помешать движению бухарской армии к Ташкенту, двинулся к крепости Чиназ. Здесь находилась одна из трёх переправ через Сыр-Дарью. Завидев приближение русского отряда, гарнизон Чиназской крепости бежал за реку. Уничтожив переправу и боеприпасы, Черняев вернулся к Ташкенту и стал лагерем в 10 километрах от города со стороны кокандской дороги.

7 июня вновь была совершена попытка штурма. И вновь она не удалась – не смогли перетащить артиллерию через попавшийся на пути большой овраг.

Черняев прекрасно понимал, время работает не на него, медлить было нельзя, и 14 июня с наступлением ночи штурмовые группы выдвинулись к городским воротам. Колёса орудий были обёрнуты войлоком, с верблюдов были сняты штурмовые лестницы и в половине третьего ночи головной отряд, подкрался к самой стене. Часовой, увидев русских, бежал через проход, замаскированный войлоком под цвет стены. Этим же путём внутрь города проникли и разведчики. Часть солдат овладела воротами, другая забралась на стены. Открыв одни ворота, русские пробились к следующим. После этого основные силы, проникнув через захваченные ворота, двинулись к центру города, по дороге штурмуя баррикады и отбивая атаки стрелков засев —

ших в зданиях. Впереди одного из отрядов шёл полковой священник Андрей Малов, впоследствии первый настоятель Ташкентского военного Спасо-Преображенского собора. В «Воспоминаниях Г. Сяркового, читаем: «В од

Протоиерей А. Е. Малов, ной из улиц Ташкента вижу: о. Малов с крестом в руках, с ним Фото. Н. Снельман, Ташкент две пушки и несколько солдат...».

К восьми утра была занята главная крепость Ташкента. Но на других участках штурм продолжался. К вечеру уличные бои затихли, но к рассвету возобновились с новой силой. Только к концу дня, 16 июня, сопротивление было окончательно сломлено. Бегство защитников города приняло повальный характер. «Эй, вы, бегущие, остановитесь! Ведь вы снаряж ислама». – читаем мы у Мухамеда Салиха. Утром 17 июня аксакалы и почетные жители города, явившись к генералу Черняеву, вручили ему ключи от 12 городских ворот. Ташкент был покорен.

Потери Черняева составили 25 человек убитыми и 117 ранеными и контужеными. Как знать, возможно, месяц назад, город можно было взять с меньшим кровопролитием. Через несколько дней городские глашатаи прокричали во всех общественных местах текст договора между Ташкентом и Российской империей. Кроме того, копии договора были развешаны во всех 4-х районах города: «По приказу Белого Царя и по приказу его наместника генерала Искандера Черняева, мы при сем сообщаем жителям города Ташкента, что они должны подчиняться согласно повелениям всемогущего бога и исповедовать правоверную религию Мухаммеда, за это на них и на их потомках будет божье благословение; не отступать ни на одну йоту от законов, установленных им.

Пусть все, поскольку они могут, действуют для выгоды и пользы этой страны. Пусть они исполняют повсюду молитвы пять раз в день, не пропуская указанного времени, часа или даже минуты. Пусть муллы постоянно ходят в свои школы и внедряют законы мухамметанской веры. Ни один час не должен проходить для учеников праздно. Пусть дети не пропускают ни одного урока и пусть учителя собирают детей в школу и не дают им проводить время в безделье и, в случае необходимости, пусть используют крутые меры, даже порку, чтобы заставить их учиться, а если их родители проявят беспечность, пусть их, согласно шариата, приведут к раису – главе города или к Кази-Калян и хорошо накажут.

Пусть жители этой страны займутся своей работой. Пусть люди базара производят свою торговлю, а не проводят время праздно.

Пусть каждый человек займется работой.

Ничего не разрешайте выбрасывать на улицы и содержите их в чистоте.

Мухамметанская религия запрещает вам пить бузу и водку, играть в азартные игры или быть безнравственными, – поэтому остерегайтесь всякого новшества, которое идет против законов религии.

Все жители города Ташкента, богатые и бедные, должны строго выполнять все, что сказано выше.

Дома, сады, поля, участки, водяные мельницы, которые вам принадлежат, останутся в вашей собственности.

Солдаты ничего не возьмут у вас.

Из вас не сделают русских казаков.

Расквартирование солдат вас не коснется.

Никто из военных не войдет в ваш дом, а если и войдет – дайте знать, тотчас же он будет наказан.

Большую заботу проявил к вам белый царь, поэтому вы должны молиться за здоровье белого царя.

Если кто-нибудь убьет кого-либо, или ограбит купца, его будут судить по русскому закону.

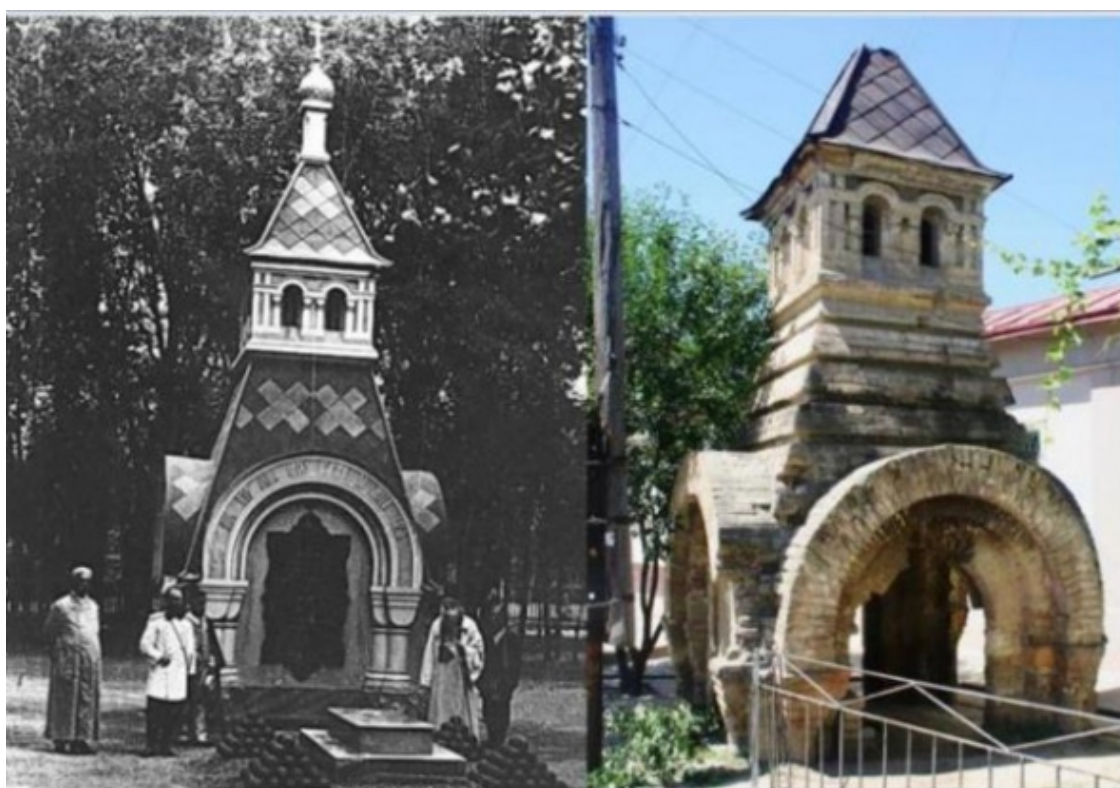
Если кто-либо покончит жизнь самоубийством, его имущество переходит его наследникам, согласно шариату, мы ничего не возьмем из его имущества.

Я, губернатор Искандер Черняев, на этот год освобождаю вас от уплаты налогов, но как будет впоследствии – будет зависеть от желания нашего великого Белого Царя проявить к вам еще большую доброту (1 июля 1865 г.)».

Договор был подписан обеими сторонами: Черняевым и всеми присутствовавшими русскими офицерами, предводителями кочевых племен и представителями города во главе с Ишаном-Ходжой Кази Каляном.

Кроме того, старейшины преподнесли Черняеву редкой красоты бриллиант, и дали почетное прозвище «Лев Ташкента».

Погибшие при штурме Ташкента русские воины были похоронены в братской могиле недалеко от Камаланских ворот города. Через год на этом месте была поставлена часовня, часть которой сохранилась до нашего времени.

Камаланская часовня в прошлом и настоящем

Взятие крупнейшего города Средней Азии получило широкий отклик, как в России, так и за рубежом. И если министр иностранных дел Горчаков был в ярости и требовал судить Черняева за самоуправство, то император Александр II на донесении о взятии Ташкента написал: «Славное дело!» А вскоре в Оренбург приходит телеграмма от военного министра Милютин: «Государь Император, прочитав донесение №2306 о взятии Ташкента, пожаловал генералу Черняеву золотую саблю с бриллиантами, начальникам повелел объявить благоволение, а нижним чинам выдать по два рубля, а не по одному, как сказано в телеграмме №4; о награждении всех отличившихся ожидается представление».

Британское правительство отреагировало ожидаемо. 19 июня английский посол Эндрю Бьюканан, попросил о немедленной аудиенции с российским министром иностранных дел, где потребовал объяснить случившееся. Горчаков поспешил успокоить посла, заявив, что Ташкент

не будет включён в состав России. Черняев был, якобы, вынужден овладеть городом, чтобы оградить его от захвата бухарцами и таким образом защитить его независимость.

Британцы, в конце концов, смирились с вхождением Ташкента в российскую орбиту. Не мог смириться с этим бухарский эмир Сейид Музаффар. Понимая, что силой оружия отвоевать у русских Ташкент, весьма проблематично, он попытался сделать это с помощью интриг.

Вначале он просто потребовал передать Ташкент ему, на что Черняев, в своём послании к властителю Бухары, дипломатично объяснил, что это невозможно. Тогда Сейид Музаффар отправил в Петербург посольство, которое должно было добиться согласия русского императора на передачу Ташкента под юрисдикцию Бухары. Вероятно, главным аргументом должен был стать живой слон, предназначенный в подарок Александру II. Черняев посольство со слонем пропустил, но дальше Оренбурга оно не прошло. По требованию Горчакова, генерал – губернатор Н. А. Крыжановский бухарцев задержал. Директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов писал оренбургскому генерал-губернатору: «Ради Бога, избавьте нас от бухарского посольства... Князь (*Горчаков, В.Ф.*) слышать равнодушно не может об этом посольстве, да ещё со слонем». Так, что бедному животному увидеть Санкт-Петербург не пришлось.

Тогда, оскорбившись, эмир придумал хитрость. Осенью 1865 года к Черняеву прибыл посланец из Бухары, с сообщением, что в Бухару из Кабула прибыли три британских офицера, с некими антироссийскими предложениями. Эмир, считая себя другом русского императора, поспешил об этом предупредить и предлагает Черняеву прислать в Бухару своё посольство. Это было явное коварство. Как писал известный военный востоковед М. А. Терентьев: «Не надо быть глубоким политиком, чтобы сразу же заметить всю махинацию, подведённую бухарцами. До тех пор никогда ни один азиатский владетель не просил ещё прислать к себе соглядатаев, если не нуждался в докторе... или разведчике минералов... Бухара же, грозившая до сих пор смертью каждому европейцу, пытавшемуся в неё проникнуть, тем не менее, заслуживал доверия. Хитрый бухарец, чтобы вернее поймать нас на удочку, выдумал каких-то европейцев, прибывших к нему через Афганистан, зная, как мы ревнивы в этом направлении! Бухарцы не ошиблись, приманка была чересчур соблазнительна, да к тому же в просьбе прислать посольство как бы проглядывало косвенное согласие на ведение переговоров в Ташкенте, а не в Петербурге. Как бы то ни было, но азиатское коварство восторжествовало...».

К сожалению, Черняев не был искушённым политиком и приманку проглотил. Ко двору эмира были отправлены астроном Струве, офицер Главного штаба, топограф и горный инженер. По прибытии в Бухару все они тут же были схвачены, то есть, взяты в заложники. Узнав об этом, Черняев потребовал объяснения, на что получил дерзкий ответ, где эмир, обращаясь к генералу без всяких титулов, просто «Михаил Черняев», обещал освободить заложников, если его посольство со слонем доберётся до Петербурга. Разозлённый Черняев в начале января 1866 года, во главе большого отряда (14 рот пехоты, шесть сотен казаков, 16 орудий, караван в 1200 верблюдов) переправился через Сыр-Дарью и двинулся к бухарскому городу Джизак. Брать зимой крепость, окружённую двойными стенами, было явной авантюрой и после недельного стояния и небольших стычек с бухарцами, Черняев принял решение отходить. «Он предпочёл пожертвовать своим именем, но не кровью солдат», – так пафосно писали об этом эпизоде современники.

Эта неудача, а также неприязненные отношения Черняева и Крыжановского привели к тому, что «Лев Ташкента» был смещён со своей должности и отозван в Петербург.

Военным губернатором Туркестанской области назначается генерал – майор Главного штаба Дмитрий Ильич Романовский. Забегая вперёд скажу, что генерал Романовский прославил себя героическим походом на Бухарский эмират. Но это будет чуть позже, а пока в Петербурге так и не определились, что же делать с Ташкентом. Включать ли его в состав империи или создать независимое государство под российским протекторатом. И только 27 августа

1866 года, через 14 месяцев после завоевания, крупнейший город Средней Азии всё-таки стал частью Российского государства.

Глава одиннадцатая. Устроитель Туркестана

Не добившись своей цели мирными средствами, эмир Бухары прибегнул к последнему доводу- военной силе. Весной 1866 года собрав внушительное войско численностью в 43000 человек он двинулся к российским пределам.

Генерал Романовский, не дожидаясь нападения в начале апреля выдвинулся навстречу с отрядом в 3000 человек при 20 орудиях. Кампания оказалась быстрой и сокрушительной. Вначале, 5 апреля при Мурза-Рабате Романовский отбросил конницу эмира, а затем 8 мая при Ирджаре наголову разгромил бухарскую армию, возглавляемую самим Музаффар-ханом. Понесся значительные потери, бухарцы бежали. 24 мая русский отряд штурмом овладел Ход-жентом, прикрывавшем доступ в Ферганскую долину. 2 октября была захвачена крепость Ура-Тюбе, а через две недели под ударами Романовского пал Джизак. Эмир с остатками своей армии, отступив к Самарканду, запросил перемирия. Переговоры шли весь 1867 год, эмир умышленно затягивал их, пытаясь восстановить боеспособность своей армии и привлечь в союзники Коканд и даже англичан. К моменту появления предварительного варианта российско-бухарского соглашения Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, первым руководителем которой стал Константин Петрович фон Кауфман. Выбор императора не был случайным. Константин Петрович входил в ближайшее окружение военного министра Д. А. Милютина, отличавшегося глубоким умом, знаниями и широкими взглядами – одного из главных идеологов реформаторского движения 60-х гг. 19 века. И как показали дальнейшие события, это был действительно лучший выбор. Именно Кауфману выпала судьба стать великим реформатором Средней Азии, принёсшим в этот край гражданское правление, просвещение, науку, культуру и сделав её плацдармом для военного и политического давлений на Британию.

Ко времени назначения Константину Петровичу было 49 лет, это был боевой генерал, за спиной которого стоял почти 20-летний опыт Кавказской и Крымской войн.

В Туркестанское генерал – губернаторство, созданное по специальному закону 11 июля 1867 года, вошли две области: Семиреченская с центром в городе Верном и Сырдарьинская со столицей в Ташкенте. Кроме того, был образован Туркестанский военный

К. П. фон Кауфман. Грав/ Л. А. Серякова округ, в который вошли 12 линейных и один стрелко

по рис. К. О. Брожа вый батальон. С этого момента Оренбург потерял своё значение, как центр организации военно-политической разведки России на среднеазиатском направлении, вся деятельность в этой сфере была перенесена в Ташкент.

К своему новому месту службы Кауфман добирался три месяца, выбрав самый долгий и окружной путь, с остановками в Оренбурге, Омске и Верном. Сделано это было намерено – нужно было обсудить будущее взаимодействие с соседями, оренбургским и западносибирским генерал-губернаторами и проинспектировать новую область. Больше недели Кауфман провёл в Верном, занимаясь делами с утра до позднего вечера. По свидетельству генерал-лейтенанта Д. Г. Колокольцева, Кауфман «принимал всех и выслушивал каждого и тотчас делал распоряжения, посылал курьеров в Ташкент с приказами для исполнения его распоряжений. К его приезду доклады, делаемые служащими, казались нескончаемыми... И только под вечер

он со своею свитою и с обычным конвоем, сотнею казаков, выезжал из крепости обозрывать окрестную местность».

7 ноября 1867 года туркестанский генерал-губернатор въехал наконец в столицу подвластного ему края.

А что же эмир Бухары? К этому времени положение в самом Бухарском ханстве стало очень тяжелым. Там, как прежде в Ташкенте, сложились две группировки. Мусульманское духовенство и военная верхушка обвиняли эмира Музаффара в малодушии и требовали объявить газават России. Напротив, бухарское и самаркандское купечества были заинтересованы в экономических связях с северным соседом и хотели мирного урегулирования. В конце концов «ястребы» взяли верх. В апреле 1868 года возглавляемая эмиром многотысячная армия направилась к реке Зеравшан, оставив у себя за спиной Самарканд. Кауфман, лично возглавив отряд, состоящий из 3500 человек при 16 орудиях, выдвинулся навстречу. Перед самым столкновением русские получили неожиданного союзника. К ним присоединился отряд из 280 афганских воинов во главе с Искандер-ханом, внуком Дост-Мухаммед-хана. Афганцы находились на службе у бухарского эмира, составляя гарнизон крепости Нур-Ата. Однако, долгое время не получая жалованье, они, взяв крепостные орудия и по дороге разгромив бухарские отряды, присоединились к отряду Кауфмана. Надо сказать, Искандер-хан так и остался на русской службе. Он служил в прославленном Лейб-гвардии гусарском полку, получил от русского командования чин подполковника и был награждён орденом св. Станислава 2-й степени. Закончилась его служба в русской армии довольно нелепо. Во время занятий в петербургском манеже, адъютант Искандер-хана повздорил с командиром императорского конвоя и получил пощёчину. Искандер-хан вступился за своего подчинённого и вызвал обидчика на дуэль, за что был арестован и посажен на гауптвахту. Не простив оскорбления, афганец уехал на родину под покровительство англичан. Но всё это будет много позже, а пока вместе с русскими он шёл в бой против бухарцев.

1 мая 1868 года подойдя к северному берегу Зеравшана русский отряд увидел за рекой бухарские войска. Около трех часов дня между противниками завязалась артиллерийская дуэль. Под прикрытием артиллерии русская пехота начала переправу и выйдя на противоположный берег нанесла удар одновременно с двух флангов. Противник, побросав орудия бросился бежать. Бухарский дипломат того времени Ахмад Дониш саркастически писал: «Сражавшиеся нашли необходимым бежать: каждый бежал так, как мог бежать, бежали куда глаза глядят, бросали все имущество, снаряжение. Некоторые бежали в сторону русских, и последние, узнав их положение, накормив и напоив, отпускали их. Никто не хотел воевать». Отступавшие попытались скрыться в Самарканде, но горожане закрыли перед ними ворота. Когда к древнему городу подошёл отряд Кауфмана его встретила делегация жителей с петицией к русскому царю. Город был занят без боя. Из Самарканда, генерал-губернатор посылает эмиру новые условия мира, но ответа не получает. Видимо, то, что Кауфман настойчиво предлагал мир, а также его отказ преследовать разбитого противника, в Бухаре восприняли как слабость. И несмотря на то, что эмиру приходилось воевать на два фронта – против него восстали беки Шахрисябзского оазиса, во главе со старшим сыном Музаффара Абдумаликом, – мир с русскими, правитель Бухары, заключить не захотел.

Ожидая ответа, Кауфман дал возможность восстановить силы своим солдатам, а сам вместе с молодым художником В. В. Верещагиным, осматривал древнюю столицу империи Тимура.

Не дождавшись ответа от эмира, Кауфман 13 мая, собирает военный совет, на котором было принято решение двигаться в сторону Бухары. 29 мая от генерала Н. Н. Головачёва, стоящего со своим отрядом в кишлаке Каттакурган, поступило сообщение о скоплении вблизи селения крупных сил бухарцев. На следующий день Кауфман выступил на помощь Головачёву, оставив в Самарканде небольшой гарнизон – примерно 650 человек.

2 июня 1868 года на Зирабулакских высотах, между Каттакурганом и Бухарой, произошло решающее сражение эмирского войска с отрядом Кауфмана и вновь бухарцы потерпели поражение. Дорога на Бухару была открыта, а сам Музаффар собирался бежать в Хорезм, но тут до Кауфмана дошло известие, что у него в тылу неожиданно образовался очаг сопротивления.

В день, когда отряд генерал-губернатора покинул древний город, к Самарканду стянулось 25 тысячное войско под началом Баба-бека. Шахризабские правители, решив, что с властью эмира, потерпевшего катастрофическое поражение покончено, поспешили избавиться и от русских. В союзе с шахрисабзцами выступил 15-тысячный отряд киргизов во главе с Адилем-Дахты. Одновременно, поджуживаемые духовенством, восстали и жители Самарканда. По утверждению военного историка А.И. Макшеева, численность противостоящих русскому гарнизону врагов достигала 55 тысяч человек. То есть превосходила в 80 раз. Поняв, что защитить город сил не хватит, русские укрылись в цитадели с мощными, толщиной 12 метров, стенами, и приготовились к бою. «Когда мы затворили за собой ворота, – вспоминал участник событий штабс-капитан Черкасов, – неприятель ворвался в город... Под звук зурн, бой барабанов, сливавшийся с дикими криками, неприятель быстро распространился по улицам города. Не прошло и часа времени, как уже все улицы были наполнены им и развевающиеся значки стали ясно видны для нас». Толщина стен и достаточное количество продовольствия, позволяло выдержать долгую осаду, но было два слабых места – ворота: Бухарские, в южной стене и Самаркандские в восточной. Трижды шахрисабзцы пытались выломать Бухарские ворота, которые защищали 77 солдат под началом майора Альбедилья, но каждый раз их отбрасывали метким ружейным огнем. При этом сам Альбедилья был тяжело ранен. Тогда штурмующие подожгли ворота. У Самаркандских ворот, где держали оборону 30 солдат прапорщика Машина, также завязался бой. И здесь нападавшим удалось ворота поджечь, однако попытка проникнуть внутрь не удалась, солдаты выбили атакующих штыками. Противник пытался вскарабкаться и по стенам, используя железные крючья. Однако, везде нападавших встречал меткий огонь солдат. К вечеру атаки были отбиты ценой 20-ти убитых рядовых и 2-х офицеров.

3 июня штурм возобновился. Утром, шахрисабзцы, сломав обгоревшие остатки ворот, разобрали сооруженную русскими баррикаду и проникли внутрь. Солдаты бросились в штыки, причем впереди всех был В. В. Верещагин. Атака была отбита.

И ещё пять дней продолжались попытки захватить русский гарнизон, ряды которого с каждым часом редели. Только 8 июня к Самарканду вернулось войско Кауфмана, обратившее шахрисабзцев и киргизов в бегство. В течение 8-дневной обороны защитники потеряли 49 человек убитыми (в том числе 3 офицеров) и 172 человека ранеными (5 офицеров).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.